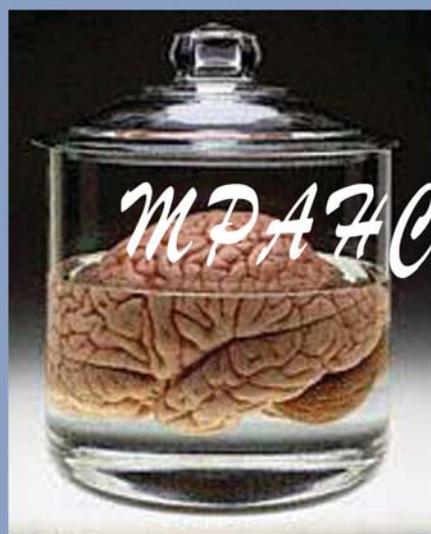

В.А. КУТЫРЕВ

ФИЛОСОФИЯ ТРАНСЦЕЛЕНАЛИЗМА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

В. А. КУТЫРЕВ

ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано методической комиссией факультета социальных наук
для магистрантов ННГУ, обучающихся по направлению 030100 «Философия»,
и аспирантов

Нижегород

2010

УДК 1/14
ББК 87
К-95

К-95 Кутырев В.А. ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА: Учебно-методическое пособие. – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. – 85 с.

Рецензент: доктор философских наук, профессор А.В. Дахин

В философии человека все увереннее заявляет о себе трансгуманизм. Его суть – отказ от идентичности существующего Homo sapiens в пользу постчеловека - «люденев, нелюдей, трансхьюманов» как «более совершенных существ».

Причиной вырождения человека является экспансия познавательно-информационных, био и нанотехнологических подходов к миру, перерастающая в универсализацию технологического конструктивизма. Идеи и деятельность по конструированию постчеловека являются выражением движения людей по пути Mortido (потери способности к любви и влечение к смерти).

Основная цель пособия в том, чтобы показать, что сохранение нашей идентичности должно опираться на ограничение применения технологий ко всему и вся, особенно гуманитарных, на коэволюцию возможных миров и приоритет адекватной человеческой природе «феноменологической реализации» одного из них.

Предназначено для магистрантов ННГУ, обучающихся по направлению 030100 «Философия» («Философская антропология и философия культуры»). Оно также может быть полезно аспирантам других гуманитарных специальностей при подготовке к кандидатским экзаменам по истории и философии науки.

Ответственный за выпуск:
Председатель методической комиссии факультета социальных наук
д.с.н., профессор В.П.Козырьков

УДК 1/14
ББК 87
© Кутырев В.А. 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. Предпосылки и (по)явление трансгуманизма.....	4
Тема 2. Curriculum vitae: венец Природы, подобие Бога и Личность.....	13
<i>Гимн, переходящий в реквием.....</i>	13
<i>Особое мнение.....</i>	16
Тема 3. Познать нельзя помиловать.....	18
<i>Познай самого себя (Сократ).....</i>	18
<i>Познавший себя – собственный палач (Ницше).....</i>	20
<i>Я вернусь к людям, излечить их от знания, не знающего любви (Будда).....</i>	25
Тема 4. Реконструкция человека	30
<i>Человек как тело: информационная реконструкция.....</i>	30
<i>Человек как субъект: информационная реконструкция.....</i>	36
Тема 5. Перед заходом солнца (деконструкция пола и умирание любви в техническом мире).....	44
<i>Источник жизни, высшая ценность духа.....</i>	44
<i>Парасексуальная революция: пейзаж после битвы.....</i>	47
<i>Гендер как социальный конструкт одномерного человека.....</i>	52
<i>Биотехническая трансформация человека.....</i>	57
Тема 6. Конструирование постчеловека	62
<i>Концептуальный персонаж в персональном компьютере.....</i>	62
<i>Инопланетяне среди нас.....</i>	69
Тема 7. Вместо заключения.....	76
<i>За философскую антропологию, против информатизма и трансгуманной парадигмы.....</i>	76
Литература.....	84

Тема 1. Предпосылки и (по)явление трансгуманизма

Транс – 1) через, за, сквозь, пере, после; 2) состояние за пределами сознания и понимания. Трансгуманизм – относительно новое теоретическое движение (возникло в США в последнее десятилетие XX века, в России оформилось в первые годы XXI века), обосновывающее необходимость «усовершенствования» традиционного человека, вплоть до замены его иной формой бытия и превращения в «постчеловека». Оно опирается на достижения современной научно-технической революции, прежде всего в сфере Hi-Tech, особенно нано-био-инфо-когно (NBIC) технологий и искусственного интеллекта (AI), открывшиеся в ее ходе невиданные, ранее даже не предполагавшиеся возможности воздействия на людей и их жизненный мир. Соответственно подразумевается, что как идеология, трансгуманизм должен прийти на смену антропологии и гуманизму – теориям и мировоззрению «старого», «традиционного», «естественного» человека.

Принято считать, что само понятие «трансгуманизм» появилось у Дж. Хаксли в книге «Новые бутылки для нового вина» (1957 г.), а слово «трансчеловек» впервые употребляется в научно-фантастическом рассказе Д. Бродерика «Выращивание» (1976 г.).¹ Но обычно, беспорядочно перемежая, говорят то о сверх, то о транс, то о постчеловеке. В любом случае, однако, это человек, модифицированный с помощью новейших технологий до такой степени, что с традиционной общепринятой точки зрения уже не является человеком. Многие трансгуманисты хотят стать постлюдьми. Средства, которые они собираются использовать для превращения в постлюдей, включают в себя «молекулярную нанотехнологию, генную инженерию, искусственный интеллект, лекарства для изменения настроения и улучшения памяти, терапию против старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, носимые и вживляемые компьютеры, когнитивные технологии и т.д.»² Благодаря им, перед человеком открываются захватывающие перспективы изменения, преобразования всего и вся, в себе и вокруг себя. Главным итогом, вершиной трансгуманизма как нового состояния человека, или уже (пост, транс) нечеловека, будет достижение им бессмертия. Трансгуманизм - почти другое наименование иммортализма, или иммортализм – это трансгуманизм в состоянии его полной реализации.

...Впрочем, мы хотим уйти от прямого предварительного пересказа определений и идей трансгуманизма по трансформации человека. Попробуем ввести читателя в суть дела по-другому. В 2008 году в Интернете случилась полемика между живущим, точнее, функционирующим в США выходцем из России Александром Болонкиным и автором этого пособия, живущим, точнее, существующим в России. Представляется, что она кратко, но вполне четко иллюстрирует принципиальные цели и идеалы трансгуманизма, открываемые им перед человеком перспективы – с одной стороны, и резкое, отчаянное

¹ См.: Летов О. «Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма. // Человек. 2009. №1.

² Трансгуманизм: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/43/47>

неприятие, аргументы против таких перспектив – с другой. Свидетельствуя о критическом характере этих проблем, она требует их более основательного обсуждения и понимания, хотя бы его начала.

Неожиданный прорыв (А. Болонкин)

Необычайно быстрое развитие компьютерной технологии и особенно микрочипов, позволяющих на одном квадратном сантиметре размещать сотни тысяч электронных элементов, открыло перед человечеством совершенно другой метод решения проблемы бессмертия отдельного индивидуума. Этот путь основан не на сохранении хрупких биологических молекул, а в переходе на искусственные полупроводниковые (силиконовые, галлиевые и т.п.) чипы, устойчивые при больших колебаниях температур, которые не нуждаются в пище, кислороде, сохраняются тысячи лет. И, что очень важно, информация из них легко может быть переписана в другой чип и храниться в нескольких экземплярах.

И если бы наш мозг состоял из чипов, а не биологических молекул, то это и означало, что мы получили бессмертие. И тогда наше биологическое тело нам стало бы тяжким бременем. Оно мерзнет, страдает от жары, нуждается в одежде и уходе, легко повреждается. Куда удобнее иметь стальные руки и ноги, обладающие огромной силой, нечувствительные к холоду и жаре, которым не нужны пища и кислород. И даже если они и сломались, то не жалко, – купим и вставим новые, еще лучше и современнее.

Может показаться, что у человека, получившего бессмертие, собственно говоря, в человеческом понимании, от человека и ничего не осталось. Но у него осталось самое главное – его сознание, память, представления и привычки, т.е. все то, что заложено в его мозгу. Внешне ему можно придать тот же человеческий и более изысканный облик. Например, красивое молодое лицо, стройную фигуру, нежную атласную кожу и т.п. Более того, этот облик можно менять по желанию, в соответствии с модой, вкусом и представлениями о красоте самого индивидуума. Мы тратим гигантские средства на медицину. Если бы мы тратили хотя бы десятую часть этих денег на развитие электроники, то получили бессмертие уже в ближайшем будущем.

Согласно исследованиям автора такой переход в бессмертие (Е-существа) будет возможен уже где-то через 10...20 лет. На первых порах он будет стоить несколько миллионов долларов и будет доступен только весьма состоятельным людям, крупным государственным деятелям и знаменитостям. Но уже через 10...20 лет, т.е. где-то к 2020...2035 гг., стоимость ЧЭК (человек эквивалентного компьютера-чипа), самодвижущего тела, органов чувств (датчиков) и коммуникаций упадет до нескольких тысяч долларов и бессмертие станет доступным для большинства жителей развитых стран, а спустя еще 10...15 лет, бессмертие будет практически доступно всем жителям Земли. Тем более что на первых порах можно будет записывать в чипы только содержание мозга, а снабжать их телом для самостоятельного движения и существования позднее.

11 октября 1995 г. в «Литературной газете» была опубликована моя статья «Если не мы, то наши дети будут последним поколением людей», посвященная электронной цивилизации. Месяц спустя в ответной статье («Не пора ли кувалдой трахнуть по компьютеру» от 22.11.95) редактор Олег Мороз обсуждал этическую сторону уничтожения разумных электронных существ с целью сохранения человечества.

Но в случае снижения стоимости ЧЭК и доступности процедуры реинкарнации для большинства людей перед смертью в Е-существо (переход в бессмертие) – ситуация в корне меняется. В самом деле, такой переход, в первую очередь, будут осуществлять старые или неизлечимо больные люди. И трахать кувалдой по компьютеру будет равносильно убийству собственных родителей и уничтожению возможности самому стать бессмертным.

Во время выступления по американскому телевидению ведущий задал мне вопрос «А будет ли электронное существо полностью идентично своему родителю, с его эмоциями и чувствами?» Ответ: «В первый момент – да!». Однако развитие этих существ будет таким стремительным, что мы не можем предсказать последствия. Если биологическому человеку для изучения наук, иностранных языков и, т.п. нужны десятки лет, то Е-существо будет приобретать любые знания за доли секунды (время перезаписи их в свою память). А мы знаем, как отличается мировоззрение людей окончивших Вузы от мировоззрения дошкольников. В свете того, что первыми Е-существами скорее всего станет ныне живущее среднее поколение людей, которые на первых порах сохранять свои чувства к своим детям (к молодому ныне живущему поколению), вероятно не будет массового уничтожения людей Е-существами. Какое – то время они будут сосуществовать вместе. Скорее всего, рождаемость людей будет оранчана или падать в силу естественных причин, а живые с приближением старости будут переходить в Е-существа – т.е. число Е-существ будет расти, а людей уменьшаться, пока не дойдет до минимума необходимого для зоопарков и небольших резерваций. Очевидно, что чувства Е-существ к людям как к своим предкам, с ростом разрыва между умственными способностями людей и электронных существ, будут уменьшаться, пока не достигнут нашего отношения к человекообразным обезьянам или даже к козявкам.

Очевидно и другое, что биологическое размножение будет таким дорогим, долгим и отсталым, что уйдет в прошлое. Каждое Е-существо может повторить себя путем просто перезаписи всего содержимого своего мозга в новое Е-существо, т.е. размножаться практически мгновенно, минуя все стадии детства, роста, обучения, накопления опыта и т.п. Правда полностью идентично родителю такое взрослое «дитя», будет только в первый момент своего существования. С течением времени, в зависимости от получаемой информации, рода занятий, Е-существо будет все более отделяться от своего предка, и, возможно, даже когда-то может стать его врагом, если интересы их пересекутся или будут противоположны.

Прорыв в про-пасть небытия (В. Кутырёв)

Это прекрасный манифест идей и целей трансгуманизма и гуманологии (если она понимается как теория любого, наряду с человеческим разумом). В прямой форме, с открытым забралом перед нами выступает последовательный идеолог компьютерного постчеловеческого мира, помещающий человека в зоопарк и резервацию (лагеря?) в статусе обезьяны или даже козявки. Е-существо сначала будто-бы называется человеком, а потом оказывается его смертельным врагом. И это правда! Последняя правда, к которой автор приходит в конце статьи как итогу технической де(э)волюции человека. Данный текст надо как можно шире показывать всем людям. Вот что стоит за разглагольствованиями насчет «бессмертия». Бессмертие возможно только в виде смерти живого человека и превращения в роботообразное, у которого ничего человеческого не останется. Эмоции, «привычки» жизни ему не нужны, страстей, чувств и влечений тела у него нет. Зачем о них «помнить» и сколько

будут помнить, если даже захотят? Ведь ему не нужно «ни размножение», «ни пища и ни кислород». Тогда зачем маскироваться «под человека», к тому же ограниченного по способностям к вычислению и «мышлению», по количеству ног и рук. У Е-робота будет гораздо больше информационных возможностей, стальных рук, ног, а лучше колес. Он будет стремительно совершенствоваться, поколение за поколением, уходя в техно-виртуально-космическую бесконечность. В дурную бесконечность перемен без какого-либо образца и образа.

Таким образом, мы свидетели прямого объявления войны человеку. И, к сожалению, объявляет ее не сумасшедший, не шизофреник. По крайней мере, не совсем шизофреник. О таких существах мечтали Н.Федоров, К.Циолковский, сейчас мечтают многие другие космисты, их вовсю пропагандируют теоретики технического бессмертия и трансгуманизма. Наука и техника вырвались за пределы земной макрореальности и природных констант человека. Не регулируя их безумное развитие, не давая теоретического отпора и не изолируя практически идеологов нашего (кто чувствует и считает себя человеком) уничтожения, не предавая их «Нюрбергскому трибуналу», люди обречены. (Нацисты практиковали геноцид в отношении некоторых этносов и рас. Однако, выделяя «неполноценные расы», к животным, тем более к «козявкам» (которых обычно рефлекторно давят) их они нас все-таки не приравнивали. Сейчас геноцид объявлен всему человечеству). Вопрос его ликвидации только во времени. Этот ..... (любая редакция все равно вычеркнет, но как еще можно назвать человека, обосновывающего гибель человеческого рода как такового) дает нам всего 10-20 лет. Более «добрые» технократы обычно лет 50-100. Маловато. Но то ли еще будет, по мере распространения компьютеризации и внедрения чипов! И найдутся «философы», которые все это будут оправдывать. Собственно, они уже нашлись в виде идеологов трансгуманизма, представители которого все активнее выклеивают человеку его теоретические глаза. И потому основная масса людей ничего не видит. Поистине (повторю свой некий ранний тезис), «мы не будем знать, когда нас не будет». Те же, кто сопротивляется самоубийству, будут квалифицироваться как фундаменталисты, консерваторы, экстремисты, противники науки и прогресса, а также «свободы и прав человека». Вот трагическая ирония истории: идеология вырождения возводится в норму! «Прогресс не остановишь» - так обычно говорят о смерти, которой никому не миновать. Но как в личной жизни, зная о своем конце, мы к нему не торопимся, а живем вопреки перспективе, боремся с ней, так и человечеству в целом надо жить по логике сопротивления. Где только возможно уничтожая бациллы трансгуманизма, особенно в себе, как идейно, так и социально. Разоблачая соблазны и прельщения бессмертием, показывая абсурдность самоценного новационизма. Насколько сумеем осознать свое реальное положение и будем способны действовать – настолько и продлимся...

Разумеется, большая часть людей пока находятся в своем уме и, столкнувшись с идеями трансгуманизма, несмотря ни на какие посулы, выступает против собственного самоубийства. Однако нередко от теоретических предостережений насчет его опасности отделяются тем, что считают их преждевременными, выражением пессимизма, катастрофизма, паническими и т.п. Что они о чем угодно, но «не про нас», не о нашей ситуации. Вышеприведенная полемика показывает, насколько далеко зашло дело отрицания человека со стороны его отдельных представителей. И какие

изошренные передергивания, обещания фантастических благ, попеременно с пошлостями насчет их экономической дешевизны, предлагаются, «скармливаются» человеку. Чтобы он их проглотил - и отравился, возвел патологию в норму. Впал в транс.

Трансгуманизм нельзя понимать узко, как темы, которые обсуждаются на сайтах трансгуманистического движения в связи возможностями манипуляции человеческой телесностью и сознанием, споры о наилучших моделях биомонстров и киборгов. Как футурологические утопии, хотя и близкие к осуществлению. Это главная, организационно оформившаяся, но все-таки только одна ветвь антиантропологического и антигуманистического мировоззрения, порождаемого состоянием различных сфер современной жизни. На самом деле борьба с человеком имеет более глубокие корни, она зародилась в ходе его познания, постепенно приобретая потом в философии и антропологии артикулированное теоретическое выражение. Она имеет, не сказать что большую, но довольно определенную предысторию, историю.

Принципиальным историческим поворотом, глубинным философским фундаментом для возникновения трансгуманизма является трансформация субстанциалистской парадигмы отношения к миру в функционалистскую, далее, что очень близко, в релятивистскую, а потом в конструктивистскую. Отказ от метафизики с ее неперменным онтологизмом и начавшаяся с Канта, гносеологизация философии. Впервые открыто отказ от человека как субъекта и как существа в середине XX века провозгласил структурализм. Это, однако, представлялось неким теоретическим приемом. «Всерьез и надолго» о смерти человека объявил философский постструктурализм, или, если брать шире, культурологически - постмодернизм. И ставил ее достижение своей конечной целью. Трансгуманизм - составной элемент, состояние, результат, постмодернизма. Вытекающее из него следствие. Выступая в разных обличьях, прикрываясь благими намерениями и придумывая некие собственные ценности, постмодернизм/трансгуманизм подводит под разрушение человека концептуальный и методологический фундамент. Культивируются, с одной стороны, соблазны «Прекрасного нового мира», который теперь не пугает, а очаровывает, с другой - фатализм: трансформации человека все равно не избежать. Даже если это плохо, ужасно, но поскольку неизбежно, значит – хорошо. Смириться, и чем быстрее, тем лучше. От апелляций к синергетической вариативности развития, к свободе человека, к тому, что он как-то может выбирать, не остается и следа. На место возвышающего существующих людей гуманистического мировоззрения под разными соусами предлагаются идеи «расчеловечивания человека», сознательного или бессознательного отказа от него.

А что же классическая метафизика, антропология, ее разные ветви, философский, да и другие разновидности гуманизма, куда они смотрят, как реагируют на эту направленную против них агрессию? Пока практически никак. «Спящий гуманизм» - так можно определить его нынешнее состояние в свете нарастания отрицающих человека тенденций. Адепты и теоретики традиционного гуманистического мировоззрения их почти «не зрят». Не

замечают, что наряду с прямым отрицанием, выхолащивается, особенно через толки о необходимости «сдвига гуманитарной парадигмы», его внутреннее содержание или как место гуманизма занимают «гуманология» и «персонология». Как будто ничего не происходит. Но если не замечать, что трансгенное воронье уже кружит, пирует над живым человеком, его природой и культурой, если эти приемы обмана и самообмана не раскрывать, такого рода самоубийственные ходы мысли не анализировать, обнажая их действительную суть, они станут реальностью быстрее, чем можно ожидать¹.

Основная задача данного пособия в том, чтобы рассмотреть фактические и идейно-теоретические проявления постмодернизма/трансгуманизма в разных сферах деятельности современного человека, показать, что с ним (нами) станет, в случае их полного осуществления. Тем самым, а также, развертывая дополнительную аргументацию, противостоять разрушению гуманистического мировоззрения, способствовать сохранению нашего жизненного мира и человеческой формы бытия.

* * *

В структуре теоретизирования не могут не отражаться особенности рассматриваемой темы, состояние и степень ее разработки. Они таковы, что их трудно выразить каноническим образом, в виде «дерева смыслов», когда из общего положения вытекают частные, или наоборот, мысль последовательно движется от низшего к высшему. Мы сочли целесообразным «сетевое», частично модульное построение текста, когда из панорамы существующих проблем выбираются наиболее значимые и стыкующиеся друг с другом. При этом, одна и та же проблема может встречаться в разных контекстах, но/и рассматриваться по-разному, в зависимости от их содержания. По общему смыслу данная работа связана с опубликованной нами в 2005 году брошюрой «Философия постмодернизма», представляя, в сущности, ее продолжение.

Краткое содержание пособия:

Первая тема – вводная. Рассматривается «ситуация возникновения» трансгуманизма как явления. Его практические предпосылки в истории и характере развития техники. Его разное восприятие. Ставятся задачи теоретического анализа.

Во второй теме в схематической форме воспроизводится существующая в настоящее время панорама представлений о человеке. Его, своего рода, Curriculum vitae - «научная биография». От классического гуманизма, рассматривающего человека в качестве венца Природы (метафизический материализм), подобия Бога (для верующих) и Личности (социальная антропология) до возникновения постмодернизма, объявившего о «смерти человека». Если не о смерти, то о трансформации в нечто новое, иное, «более

¹ Среди авторитетов философской антропологии первым тревогу насчет угрозы человеку от трансгуманизма, наконец-то, забил П.С. Гуревич. См.: Гуревич П.С. Деантропологизация человека. // Вопросы философии. 2009. №3.

совершенное». В противоположность этим постчеловеческим трансгуманистическим тенденциям высказывается «особое мнение», где провозглашается несогласие с отказом человека от самого себя и дается обещание их подробного анализа и критики.

Третья тема посвящена показу того, каким образом к отрицанию человека привела история его научного познания, ее самоценное развитие. Оно сопрягается с этапами кризиса цивилизации: «Закат Европы» (Шпенглер) – «Конец истории» (Фукуяма) - и сейчас, как мы считаем - настало «Время Mortido» (влечения к смерти). По отношению к человеку современный новационно-теоретический бум направлен, в конечном счете, на его искусственное воспроизведение, что предполагает вытеснение из нашего сознания всего духовного и чувственного, его принципиальную рационализацию. Одновременно начинаются процессы трансформации телесности, смены субстратной основы разума. Как итог триумфа познавательной-технической деятельности возникает феномен постчеловека. Это, в сущности, означает конец Homo sapiens. Чтобы противостоять подобной перспективе, надо исходить из наличия границ рационального познания и моделирования человека. Познание должно быть гуманистическим и не все, что технически возможно, следует осуществлять.

В четвертой теме рассматриваются процессы «снятия» человека, превращения в нечто иное, как они представлены в постмодернизме и что им соответствует на самом деле. Постмодернизм – это превратное идеологическое отражение процессов технологизации, и прежде всего, информатизации мира. Развитие компьютерной техники открыло возможность принципиально нового моделирования свойств человека, их перевода в «экранное состояние». Это относится как к его телу, так и духу. Возник феномен виртуальной реальности. На экранах мы видим «тела без пространства», перед экранами вот-вот будут полусидеть или лежать «тела без органов». Логика постмодернизма ведет к обоснованию отказа от предметной реальности, в том числе человеческого тела. Параллельно с этим отрицается субъектность человека. Вместо нее говорится о сингулярности и складках, как неких доиндивидуальных номадических единицах. Информационная реконструкция субъекта завершается ниспровержением логоса как носителя субъектного смысла. В совокупности «отрицаний» тела и духа человека, их замены искусственно создаваемыми виртуальными образами и моделями возникает специфический «компьютерный трансгуманизм».

Процессы трансгуманистического «расчеловечивания человека» в реальной и важнейшей сфере его бытия - продолжения рода, прослеживаются **в пятой теме**. Пол и любовь - условие существования человека, высшая ценность культуры. В эпоху постмодернизма происходит, ранее, казалось бы, немислимое: развенчание любви, дискредитация «основного инстинкта» жизни, возникновение идеологии unisex. Так называемая «сексуальная революция» на самом деле была направлена против сексуальности как способности людей к воспроизводству себя. Она заменила репродуктивные функции пола гедонистически-рекреативными. Свобода любви привела к

искажению её форм и общему обесцениванию. Само слово «пол» вытесняется словом «гендер», что выражает отрыв духовных характеристик человека от его телесной основы, возникновение общества спектакля и формирование одномерных безличных индивидов. Перед лицом технических возможностей все природные особенности людей, включая связанные с полом, теряют свое значение. Своеобразной «технологической реализацией» социально-манипулятивного отношения к полу и любви является генетическое вмешательство в механизмы продолжения рода, которое, в конце концов, завершается экспериментами по бесполому размножению людей, подготовкой (пока) к их клонированию. Переход к такого рода практике будет означать прямой отказ от полового диморфизма, превращение человека в некое биороботообразное существо, крушение всей его духовной культуры и, собственно, самой природной идентичности как *Homo vitae sapiens*.

В шестой теме анализируются «позитивные» формы трансгуманизма в его информационном и предметном вариантах. Это феномены, к которым, в конце концов, приводит процесс деэволюции человека и отказ от философской антропологии. В информационной сфере, подобно тому, как место предметов занимают концепты, так вместо личности выступают персонажи. Персона(ж) – это концепт человека, существующий в виртуальной форме в виде неких сингулярностей сознания. Дается критический анализ попыток «спасти человека», переводя его из вещно-телесного в энергичное качество. В предметном мире трансгуманизм планирует «усовершенствовать человека» вплоть до появления трансхьюманов. В качестве платы за отказ от самих себя людям предлагается достижение бессмертия. Сознание адептов трансгуманизма, заменяющих людей нелюдьми и люденами, антропологию гуманологией и персонологией, перезагружено постчеловеческой идеологией. Фактически, они являются носителями смерти человека, представителями иных форм бытия, своего рода инопланетянами на планете Земля. Такова конечная станция, на которую прибывают все трансгуманисты.

Седьмая тема носит характер Заключения. В ней обсуждаются формы противостояния уготованной трансгуманизмом печальной для традиционного, исторического и «человеческого» человечества перспективе. Очевидно, что для нашего выживания необходимо все научно-технические достижения пропускать через гуманитарные фильтры, приводя их к «мере человека». Актуальной для настоящего времени является философия полионтизма, динамического консерватизма и феноменологического реализма. Философия не должна быть «игрой», она несет ответственность перед людьми за целевые ориентиры их деятельности, должна помогать им в борьбе за свое продолжение, за сохранение достоинства при любом обороте дела.

* * *

Часто полагают, даже хотят, чтобы образовательное пособие было написано стилистически дистиллированным, безличным языком, без чувств, образов и авторских оценок. С непрерывными указаниями: «необходимо знать», «надо запомнить», «вы обязаны» и т.п. В нашей работе ничего этого нет, как потому что она предназначена для «продвинутой» аудитории – магистров и аспирантов,

так и исходя из духа обсуждаемых в ней проблем. Предполагается ее самостоятельное, соотнесенное с жизненным опытом, восприятие. Для проверки усвоения материала, вместо оскопляющих сознание тестов, требующих выбора ответа из заранее заготовленного меню, предлагаются вопросы, ориентированные на восстановление авторской и герменевтического построение собственной духовно-практической ситуации. Машинный контроль идей, направленных против машинизации человека был бы абсурден, поэтому проверка знаний может осуществляться только диалогически, в живом общении с преподавателем.

Тема 2. Curriculum vitae: венец Природы, подобие Бога и Личность

Гимн, переходящий в реквием

Адам - Антропос - Гомо = ЧЕЛОВЕК появился на Земле, по подтвержденным точным радиоуглеродным анализом, данным археологической науки, по-видимому, приблизительно около 3,5-2,5 млн. лет тому назад. Согласно авторитетному письменному источнику - Библии христиан - ему на сегодня 7814 лет. Такое временное разночтение обусловлено различием трактовок его сущности: в первом варианте это предельно, вплоть до отказа от себя, эволюционно развившееся природное животное, по второму он - тварь, результат волевого акта Супранатуральной Силы, запечатлевшей в нем собственный образ. В истории представлений о человеке данные версии переплетались, иногда сливаясь, чаще опровергая друг друга. Однако в обеих, а также прочих, паллиативных, при самых острых спорах, человек считался неким особым, уникальным феноменом, по крайней мере, на Земле. Существом, которое задает смысл существованию всего остального сущего. Это «малый мир», «микрокосм», «мера всех вещей», «эманация Абсолюта», «разум Вселенной». Универсальный по способу деятельности, он Единственный Субъект бытия ничем и никем незаменимый носитель свободы. Он второй после Бога и его небесных помощников - ангелов, которые и нужны-то для того, чтобы заботиться о человеке, содействуя ему в управлении собой и миром.

Соответственно, присущий философии как метафизике «основной вопрос» состоит из отношения «человек-мир». В перетягивании каната между его сторонами дело доходило до солипсизма, когда получалось, что мир, реальность возможны постольку, поскольку воспринимаются человеком. В истории науки возник и сохраняет влияние так называемый антропный принцип, согласно которому не будь людей, Вселенная в своих фундаментальных параметрах была бы совершенно иной (если бы она без него вообще решилась быть). Апофеозом значимости проблематики человека следует признать формирование в XX веке философской антропологии, претендующей на статус единственно адекватной современным требованиям философии. Ее исходная установка в том, что представление о человеке всегда лежит в центре любой системы мысли. Философствование «по определению» есть следствие жизненного опыта человека, его прояснение и оправдание для себя и для мира. «Человек - это в известном смысле все» – провозгласил М. Шелер. Это положение можно считать *sedeo* философской антропологии.

Если природная реальность зависит от человека, то социальная состоит из него. Человек – микросоциум. Социум – мегачеловек. Человек предпосылка и продукт истории и любая попытка его противопоставления обществу несет привкус абсурда. Хотя, конечно, их отношение менялось. Состоянию дикости и варварства соответствовали стадные и кровнородственные формы совместной жизни, возникновение экономического разделения труда породило собственно

социальные связи и Личность. С этого времени можно считать, что всякий, живущий в обществе человек является личностью. Мы говорим об индивиде как о человеке, когда сравниваем его с другими видами сущего, неорганическими или живыми и о нем же, как о личности, когда от-личаем от других людей. Личность – это человек с «определенным артиклем». Вряд ли можно считать обоснованным разведение данных понятий по признаку наличия или отсутствия в них природного, т.е. жизненного начала. Что за личность без страстей и телесных переживаний, в сущности говоря, без чувств? А значит без души, а потом и без ума. «Презумпция личности» – условие гуманистического мировоззрения. «Животворящая троица»: Природа-Общество-Личность (ПОЛ) воплощается в человеке «неслиянно и нераздельно». Все они живут, будут жить или умрут – вместе.

И в религиозном, и в светском философско-метафизическом сознании дальнейшее существование личности как вершины земного бытия мыслится прежде всего в плане духовного совершенствования, которое, в виду сложности и открытости человека миру, бесконечно. Конечные цели, правда, разнятся: в одном случае подготовка к индивидуальной вечности, переделка себя по канону богоподобия, в другом, социальное бессмертие рода и гуманизация жизни. В обоих случаях, однако, это антропоцентризм, хотя не онтологический, а ценностный. В XX веке задача социально-практической гуманизации жизни наиболее определено и целенаправленно ставилась марксистской идеологией. При коммунизме личность впервые в истории должна перестать быть средством решения каких-либо других, пусть благих и великих вопросов и превращается в самоцель развития. Труд, любовь, познание, творчество наполняют ее бытие высшим смыслом. Это общество, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Несмотря на неудачу в реализации коммунистических идеалов, классическое сознание не могло и не хочет отказываться от гуманизма. На него ориентировано и содержание «академической» философской антропологии, а также образовательных стандартов при ее преподавании. Вот как виделись перспективы человека нашему, по историческим меркам современнику, официальному, а для многих и неофициальному философскому авторитету, «главному антропологу» России, организатору и первому директору Института человека, основателю журнала «Человек» действительному члену Российской академии наук И.Т. Фролову: «Приоритет человека и новый (реальный) гуманизм – так, я думаю, можно обозначить духовную парадигму, идеологию и политику XXI века»¹

...Так теперь все это не так – рухнуло. Если, конечно, следить не за благопожелательными, а фактически идущими в мире процессами. Возникло техно-информационное общество, точнее, информационная и конструктивная нано-биотическая реальность. О ней много говорят, но слишком голословно, не отдавая отчета в вытекающих отсюда следствиях. Фундаментальное из которых, что это среда не тел и вещей, а отношений, не субстратов, а связей,

¹ К 50-летию журнала «вопросы философии». Интервью с И.Т. Фроловым. // Академик И.Т. Фролов. Очерки. Воспоминания, материалы. М., 2001. С. 62.

коммуникации. Изменяется сама субстанция бытия и вся его целостность, что, в свою очередь, не может не влиять на состояние входящих в него частей и элементов. На основе информации образуются виртуальные формы реальности, создающие совершенно небывалые условия для тела и духа человека. Они радикально отличаются от тех, в которых он пребывал в течение тысяч лет природной эволюции. Это не может не отражаться в философско-социологической мысли, не иметь своей идеологии. На смену субстанциализму как принципу объяснения бытия идут релятивизм, коммуникационизм и конструктивизм. Классическое сознание, включая и «неклассическое» в его узком смысле, вытесняется постнеклассическим. Иными словами, реализм или «модернизм» в его широком смысле, уступают место пост(транс)модернизму. «Истина» постмодернизма - другая, противоположная прежней духовной традиции, более того – всей культуре. Главное в нем – отказ от метафизики, а значит и сложившихся в течение веков представлений о человеке, его месте в мире. Этого места «метафизическому человеку» больше нет. Отсутствие – автора, субъекта, человека является специфицирующим признаком, сутью актуального «постсовременного» философствования. В этом отношении оно прямо противостоит философской антропологии, отменяет ее. Кто еще говорит о человеке, его высшей ценности, тот едет в карете прошлого. Он консерватор и фундаменталист. В той же повозке – гуманист. Если не хуже.

Живому, чтобы отсутствовать, сначала надо умереть. И человек умирает, активно, интенсивно и прогрессивно. Это настолько очевидно, что закрепилось в словарях и энциклопедиях. Правда, с самоназванием «новые». Например, в «Новейшем философском словаре» (2-е изд., перераб. и доп. Минск. 2001) слову «Человек» уделена одна страница, слово «Личность» отсутствует совсем, в то время как «Смерти», с приложением к тому, что привычно считалось живым, отдано 12 страниц. Это что-нибудь да значит!

И, наконец, высшее достижение в развитии проблематики антропологии и гуманизма – трансгуманизм. В его русле обосновывается, что человек, не являясь последним звеном эволюции, может совершенствоваться до бесконечности, радикально повысив свои умственные и физические возможности, ликвидировав старение и смерть. Для этого надо перестать бояться «перестать человеком», наоборот, преодолев его, «стать более совершенным существом», «трансхьюманом», «постлюдьми». Трансгуманизм – прямой вызов идентичности человека, какого мы знаем, какими являемся тысячи лет или каким его сотворил Бог. Не столь последовательно, но в том же направлении разворачиваются теории «конструирования человека», отражающие реально идущие работы по его биогенетической и социально-технологической трансформации. Под давлением проектов и фактических достижений в модификации живого, начали колебаться ключевые фигуры, наследники и носители знамени «реального гуманизма», как он мыслился в конце XX века. «Пока трудно судить, - признает кризисный характер складывающейся в современной антропологии ситуации главный редактор журнала «Человек» член-корреспондент РАН Б.Г. Юдин, - является ли трансгуманизм развитием, современной фазой гуманизма, либо же с позиций

трансгуманизма, привычный нам гуманизм должен быть вообще отброшен как нечто архаичное»¹.

Деконструкции всей метафизики и, прежде всего антропологии, окончательного отказа от различия между объектом и субъектом, означаемым и означающим, бессмысленным и смыслом – вот чего настоятельно требует становление информационной реальности, развертывание нано и биотехнологий и что фактически происходит в области мысли. Так следуйте за новым, потенциальным, передовым. Остальное приложится. Человек как венец природы, подобие Бога и Личность не отвечает этим прогрессивным тенденциям. В своей биосоциальной идентичности он стал традицией. Но замена ему, мы уверены, найдется. Она – здесь, «при дверях». Ее можно сконструировать. А пока, давайте, скажем: *покойся с миром, человек*.

Группа пост-следователей.

Особое мнение

Адам Антропос Гомо – Человек, признавая изменение своей роли в мире, в то же время считает данную в этой вводной биографической справке оценку его современного положения и прогнозируемой участи контрпродуктивной. Не вытекая из первоначального, весьма хвalebного исторического описания и ставя тем самым под сомнение искренность его, как оказалось, миз-антропных коллег, она поспешна и поверхностна. Адам не может отрицать проблем, с которыми сталкивается в так называемом пост(индустриальном, модернистском) информационно-нано-биотехнологическом обществе и возникновения в нем подрывающих его идентичность и гуманизм тенденций. Однако ссылки на прогресс не должны нас гипнотизировать до отказа от самих себя. Антропос вправе ожидать более глубокого анализа угрожающих ему опасностей, чтобы знать, во имя чего его ставят перед выбором: сохранение идентичности или дальнейшее существование. Мы отказываемся от подписи под выводами о конце этой уникальной формы бытия, превращающими Curriculum vitae в Necrolog, поскольку в них не учитывается противоречивый, многовекторный, нелинейный характер происходящих процессов. Гомо имеет основание полагать, что провозглашение смерти всего сущего – природы, Бога, человека некой объективной необходимостью свидетельствует о фатальной перверсии мировоззрения ее протагонистов. Захваченные пафосом отрицания они оставляют без ответа самые принципиальные вопросы в своих собственных построениях. Если «смерть» метафора, то насколько и метафорой чего она является? Если нет, то какая жизнь или форма бытия предлагается взамен нынешней, «устаревшей» и будет ли она «жизнью»? В конце концов, что за субъективные цели, кроме первичного рефлекса на информацию и

¹ Юдин Б.Г. Обращение к читателю. // Конструирование человека. Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 2007. С. 4

биотехнологии, стоят за деконструкцией и каково ценностное оправдание ее применения к философской антропологии? Не доверяя пост-следователям постмодернизма, хотелось бы самостоятельно разобраться в этих явлениях и концепциях. *Всегда с позиции Человека*, даже если все будет против него.

Консерватор.

* * *

Такова *панорама отношения* к человеку, его судьбе в современной философской литературе. Наша дальнейшая задача в том, чтобы, приблизив предмет исследования читателю, наполнить ее содержанием, выявить тенденции развития.

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) Воспроизведите представление о человеке в гуманизме.
- 2) Воспроизведите крах этих представлений.
- 3) Ваше отношение к этому краху, тому как он рассматривается в пособии.

Тема 3. Познать нельзя помиловать

Познай самого себя. (Сократ)

Если верить в вечное существование, то душа Сократа смотрит на нас, скорее всего, со смешанными чувствами. С удивлением и горечью, что через 2,5 тысячи лет самопознание все еще неразрешенная задача, с надеждой и радостью, что у человечества, наконец, дошли до него руки. Слушая наши речи и читая тексты, оценивая направление и характер практической активности, он не может не признать, что сейчас человек обратился к себе. И это обращение по преимуществу деятельно-познавательное.

Мощь нацеленных на него арсеналов науки и техники, отводимое ему в них место впечатляют и внушают уважение. В космологии, физике сохраняет влияние антропный принцип, согласно которому сама Вселенная, как таковая, существует благодаря человеку. Будь условия его жизни другие, наша Вселенная могла и не возникнуть. Биологические дисциплины проникли в святая святых - генную структуру и взялись за ее фундаментальную реконструкцию. Ради благосостояния человека ежегодно синтезируются тысячи новых веществ в химии, изобретаются невиданные средства в технике, не говоря о социально-психологических дисциплинах, непосредственно специализирующихся на его исследовании и трансформации вплоть до информационного «моделирования души». Наряду с естествознанием, обществознанием и техникотехникой на наших глазах конституировался особый блок наук о человеке - человековедение, в котором применяются все достижения предыдущих сфер познавательной деятельности. Оно как бы завершает эту величественную картину самопознания человека.

Что может отметить Сократ, оценивая общее расположение сил и течений в ней (хотя бы при самом панорамном, схематизирующем взгляде)?

Что познание человека решительно вышло за пределы этики, размышлений о добре и зле, судьбе отдельного индивида, с чего начинался поворот греческой мысли от натурфилософии к философской антропологии. Оно озабочено его перспективами как родового существа, от которых зависит и судьба индивида. Что, выведя за рамки философии и традиционных социальных наук, сделал предметом почти всех теоретических дисциплин, включая точные и технические, его нынешние представители больше всего думают о синтезе накопленного. Дебатируется идея единой науки о человеке, вокруг которой постепенно объединились бы все другие отрасли знания и культуры в целом. Слившись с философией, а скорее, преодолев ее, такая Наука будет заниматься человеком как одним из видов Разума. Это будет некая Гуманология, в которой человек рассматривается как часть Универсальной Мысли. Как УМ. Которая(ый) будет равна(вен) всей Реальности.

Итак, Человек! Нет человека, подошел к человеку, вижу человека, недоволен человеком, думаю о человеке - во всех падежах и склонениях человеческая мысль занята им. Самим собой. *Не пора ли задуматься о смысле и результатах этого познавательного бума?* Ибо одновременно, параллельно

много говорится о кризисе цивилизации, тупике прогресса, конце истории и, без всяких шуток, «смерти человека». В конце XX- начале XXI века перед ним грозно встал вопрос «быть или не быть». Здесь явно какой-то парадокс, который Сократ, со своим диалектическим чутьем, несомненно, видит. Души, однако, не вмешиваются в земные дела людей и нам надо пытаться решать его самостоятельно.

Еще не так давно полагали, что причина большинства существующих проблем, драм и трудностей в недостатке знаний о природе, материи, мире, слабом развитии науки и техники. Теперь такого мнения держатся лишь самые узкие, социально глухие и слепые сциентисты, безнадежные технари. сетовать поэтому на непознанность природы, когда мы делаем с ней все, что заблагорассудится, проникли в микро- и мегамиры, овладели сверхзвуковыми скоростями и световыми волнами, магнитными полями и околоабсолютными температурами, преобразуя ее применительно к предварительно намеченным целям, становится как-то странно. Какой информации и сколько энергии еще надо? Можно ли поверить, что если человечество удвоит или удесятит производство новых химических материалов, роботов и компьютеров, изменит наследственность всего живого, отменит пол и начнет клонироваться, то его перспективы посветлеют. Вряд ли?

Стихийность, непредсказуемость развития человечества все чаще является результатом нашей преобразовательной и проектировочной деятельности, нашего, прежде всего научно-технического, творчества. Оно становится глобальным источником угроз, рождая проблемы, влекущие цивилизацию к пропасти. Поскольку творческая деятельность занят человек, она есть выражение его ума и воли, то как бы напрашивается вывод, что мы не знаем самих себя. *Не ведаем, что творим, так как не ведаем, кто творит.* Таково все шире распространяющееся убеждение на фоне ускорения прогресса и разочарования в нем, небывалого роста знаний о мире и сомнений в их благотворности. Убеждение, являющееся логической основой для крутого поворота научных исследований в сторону человека.

Короче говоря, вслед за познанием и овладением природой пришел черед окончательного овладения ее преобразователем и властелином. Это трудно, так как он самый сложный элемент мира, наиболее загадочное его существо. Но тайна неурядиц в нем или рядом с ним, ключ к их устранению видят здесь. «В наши дни, - отмечал один из авторитетных философских представителей точного и технического знания, - самым большим и, пожалуй, зловещим является незнание человека. Попыткой понять природу человека был озабочен еще древний Египет. Это нашло свое отражение в знаменитой Египетской книге мертвых. С тех пор прошло 3500 лет и, кажется, существенного прогресса не было достигнуто».¹

Познать самого себя! Вот путь спасения человека и человечества. В этом «закон и пророки».

¹ Налимов В.В. Как возможна математизация философии. // Вестник Московск. Ун-та. Философия. 1997. № 5. С.16.

Познавший себя - собственный палач (Ницше)

Хотя новый виток человекопознания разворачивается не на пустом месте (будем справедливы), задача видится в том, чтобы сделать его более глубоким, полным. Учитывая возглававшиеся на это надежды, нам кажется теоретически и практически полезным представить мечту сбывшейся. *"Познанный человек" - каков этот феномен, что он означает и на каком отрезке пути к заветной цели наука находится?*

Как известно, взятое в чистом виде в соответствии с идеалом научности, познание функционирует в рациональной, знаковой форме и по сути является исчислением, гарантирующим получение точного и универсального результата. Оно математично и технично. По представлению М. Хайдеггера, доминирование такого типа мышления предопределено характером отношения к миру "западного человека". Оно сугубо деятельностно и предполагает знание того, как, применив некоторые приемы, трансформировать предмет в другое состояние. Познать предмет - это суметь, для начала, воспроизвести, смоделировать, а потом и изменить, исходя из целей познания. Моделирование всегда беременно чем-то новым. На определенном уровне развития познание-вычисление, познание-моделирование с неизбежностью перерастает в технологию и проектирование, в инженерное творчество. Это относится и к живому человеку.

Познавательное изменение "живых предметов" обычно означало их превращение в нечто мертвое, нефункционирующее. Внешнее вмешательство в жизнь разрушает ее организацию. Существо становится веществом, хотя, быть может органическим.

" Кто хочет что-нибудь живое изучить

Сперва всегда его он убивает.

Потом на части разнимает

Хоть связи жизненной, увы, в нем не открыть»¹.

В основном, однако, такое грубое вмешательство в жизненные связи типично для науки до 18-19 веков. Гете, словами Мефистофеля порицал ее, когда главным средством исследования живого был анализ в теории и скальпель на практике. В 20 веке воздействие науки на жизнь стало более ей адекватным и виртуозным. Механические орудия - "нож и скальпель" уступают место органическим: генные инженеры разрезают ДНК с помощью ферментов; рентгеновские лучи и ультразвуковые волны проникают в организм, не меняя его структуры; нейтронная бомба, умерщвляя тело, оставляет в неприкосновенности его макроуровневые связи. Возникшие в сфере мысли теории системной организации, в значительной степени преодолевают механицизм аналитических методов.

Другим, пожалуй, самым мощным и перспективным направлением исследования живого являются подходы, не нарушающие его структуры не только на макро, но и на микроуровнях. Они *в принципе* не вторгаются в

¹ Гете И.В. Фауст. М., 1986. Ч.1.Сцена 4.

органическое тело. Это направление включает в себя различные способы имитационного моделирования, когда структурные связи переносятся на новый субстрат. При последующих любых манипуляциях первичный предмет, в случае живого - органическое тело, остается нетронутым, неповрежденным, так как все изменения происходят с его структурным аналогом. Возникает феномен "функционального бытия". На этот путь одна за другой сворачивают разные отрасли естествознания, в том числе биологии и даже медицины. Занимаясь, например, биосемиотикой, математической экологией или искусственным интеллектом, то есть проблемами жизни, можно не прикасаться ни к одному органическому субстрату. Можно и не видеть, не представлять ничего живого, были бы какие-то параметры. Сначала снятые с реальных форм, а потом условные, заданные.

С подобным типом познания связано функциональное определение живого, на него опираются критики традиционной теории эволюции, обвиняя ее в "водно-углеродном шовинизме". Этим питаются все космические трактовки происхождения жизни, отождествляющие ее с разумом, а также логически отсюда вытекающие предложения отказаться от "белково-нуклеинового центризма". Быть, жить - всего лишь функционировать и меняться; все определяется уровнем организации, а не субстратом, не телом - такова идеология имитационного познания, слепком с которой является техницистская и информационно-компьютерная по своей сути современная наука.

Полное, адекватное себе выражение, имитирующее моделирование нашло после появления нано и нейрокомпьютерных технологий, позволивших поставить задачу воспроизведения высшего свойства земной жизни - человеческого сознания. Его стали рассматривать в качестве аналога компьютера, а фактически как своего рода вычислительную машину, сверхсложную, но которая, тем не менее, эволюционирует как информационная система. Споры о том, может ли машина мыслить ушли в прошлое. Создатели индустрии искусственного интеллекта приводят такие аргументы, а область имитации компьютерами функций человека так быстро расширяется, что "гуманитарной общественности" приходится делать хорошую мину при плохой игре, признавая эту игру очень хорошей. Если вначале развития электронно-вычислительной техники ее сравнивали с человеческим мозгом, "измеряли человеком", то теперь отношение перевернулось: человека измеряют компьютером. Пока в основном "мозг", но в сущности больше нет ни одной сферы жизни, на которую не притязало бы научное познание, вооруженное информационной технологией. Его возможности бесконечны и хотя мир тоже бесконечен, он состоит из конечных предметов, а все конечное познаваемо, воспроизводимо и значит - заменимо. Заменяют обычно на "лучшее". Человек - конечное существо и он не так далек от того, чтобы быть познанным и смоделированным. Имитирующий, а потом превосходящий человека аналог, «трансчеловек» - на подходе.

Если познавательное моделирование человека как телесного существа предполагает смену его субстрата, то его моделирование как субъекта сознания ведет к "снятию" его души. Говоря упрощенным материалистическим языком, к

возгонке психики в интеллект. Предпосылки этого создаются самим актом замены органической телесности, ибо душа существует как напряжение противоречия между телом и духом, чувством и мыслью. Душа - вера, надежда, любовь и другие ее состояния, как бы их не мифологизировали, это - "духовные чувства". Когда ставят задачу преодоления не только чувственного, но и умопостигаемого начала в человеке, их замены трансцендентально-знаковым, с целью "математического описания нашего внутреннего мира", то фактически хотят его ликвидировать. Душа, вслед за эмоциями, при целерациональной деятельности, ради которой создается Гомутер (гомо+компьютер) - фактор брака. Математическое моделирование и исчисление противопоказаны ей по определению, поскольку она есть следствие неопределенности живого и существует в силу того, что "сущее не делится на разум без остатка". Когда удастся разделить все на разум, описать математически, это и будет означать, что удалось построить мыслящую машину.

Предварительным условием достижения подобной цели должно быть преодоление традиционного (исторического, гуманного) человека и появление человеческого типа сходного с робототехническим устройством. В информационном обществе этот процесс резко ускорился и идет с двух сторон: по мере того как роботы становятся похожими на людей, люди становятся похожими на роботов. Возникает "технологический человек" (другие варианты наименования, имеющие хождение в литературе: техногенный человек, компьютерный человек, мультипликационный, агуманный человек, человек Тьюринга, E-homo и т.п.) Главной особенностью такого человека является вытеснение из его поведения всего чувственного, интуитивного, непредсказуемого, превращение жизни сначала в целерациональную деятельность, а потом в ментальную коммуникацию, то есть подавление той самой души, а потом и духовности в целом, о совершенствовании которой обычно заботились, стремясь к самопознанию. Подобная "ирония развития" существует как на индивидуальном, так и на родовом уровне. Научное познание - одно из основных средств сужения многообразных духовных переживаний до чистой мысли, их выпаривания и высушивания до интеллекта, освобождения человека от способностей к вере и любви, от нравственного и ценностного отношения к миру. Оно превращает Homo sapiens в Homo ratio, sapientismus. Трансформация Духа в Разум, разума в Интеллект коррелирует с превращением, реальное в виртуальное, общества в социотехническую систему, культуры в технологию, общения в коммуникации.

Долгое время было принято считать, что существуют бессмертные души и бранные тела. Но коварство безбожного технического мира в том, что души людей умирают раньше, оставляя после себя функциональные оболочки, которые и действуют. Мультипликационный техногенный человек не миф, а реальность, не будущее, а настоящее. Не потерявшие совесть, как раньше, а совершенно искренне не представляющие что она такое, предприниматели и политики, "одержимые программисты", другие многочисленные отряды быстро растущей искусственной интеллигенции, снижение уровня мотивации и потеря чувства жизни у повседневного человека (которое он чаще всего принимает за

потерю ее смысла) - все это признаки появления своеобразного гуманоида. На социологическом языке ему, по-видимому, соответствует понятие "человеческий фактор", актер, квази-субъект, агент - феномен "познанного" или "почти познанного" человека, промежуточное, переходное существо к мыслящим формам нового типа.

Итогом всего этого мощнейшего научно-технического напора на человека стало вытеснение из человекознания философской антропологии и гуманитарных подходов к нему. Вместо них возникают и все шире распространяются трансгуманизм, posthuman study, гуманология, персонология и т.д. течения, рассматривающие человека как один из видов разума, наряду с его другими, возможно, космическими, а фактически, искусственными, создающимися в настоящее время на Земле. В свете этой, начавшейся плюрализации бытийных форм разума, мы должны озаботиться, как будем жить в мире, где "не одни". Правда, прежде надо выяснить, кто есть "мы", от имени кого и о ком должны заботиться.

В антропологической и технической философии, часто бессознательно, уже представлены интересы различных форм мыслительности. В большинстве случаев речь пока идет о сохранении, развитии и совершенствовании традиционного, исторического человека. Однако после завершения дискуссии на тему могут ли машины мыслить (сомневавшиеся глухо молчат), растет число носителей робототехнического мировоззрения - защитников роботов "от человека". Они указывают на несостоятельность "компьютерного агностицизма", с чем трудно не согласиться, возмущаются дискриминационным характером господствующего отношения к искусственному интеллекту, призывают к скорейшему переходу в "новый прекрасный мир", где все будет механизировано, автоматизировано, интеллектуализировано и закодировано. Восторги по поводу новых возможностей техники дошли до появления техноэроса. И блестящие, талантливые и серые, рядовые технократы искренне восхищаются открывшимися перспективами замены человека: на производстве - предприятия без работников, в искусстве - кино без актеров, живопись без художников, музыка без исполнителей, секс без партнера. До какого распада дойдет (дошел?) человек, следуя по пути такой самостоятельности, прежде чем окончательно будет вытеснен машинами, апологеты "окончательного" самопознания человека не задумываются и ставят после "познать" восклицательный знак. В пользу "Иного". Ради *Постчеловека*.

Исходя из этой новой ситуации современное общество раскалывается на людей, желающих остаться, сохранить свою идентичность и людей, чье сознание похищено новой социотехнической реальностью и они стали "агентами своего врага". Впервые об этом внятно заговорил, кажется, Ж.Ф. Лиотар. "В технонаучном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы - всегда не того масштаба. Если смотреть на вещи с этой точки зрения, то требование простоты сегодня кажется воплощением варварства. Разбирая тот же пункт, следовало бы подробнее разработать вопрос о разделении человечества на две части: одна принимает этот вызов

сложности, другая - тот древний и грозный вызов, что связан с выживанием рода человеческого. Вот, может быть, главная причина провала проекта современности, который, напомню тебе, в принципе относится к человечеству в его совокупности".¹

Проект современности, "модерна" это, другими словами, проект эпохи Просвещения, Прогресса, эпохи надежд на торжество Разума, несущего человеку Благо. Он действительно провалился, модернизм сменился постмодернизмом, надежды на процветание надеждами на выживание у одних, и желанием, фаталистически оправдывая ход вещей, трансформироваться в нечто новое - у других. Второе желание есть желание смерти традиционного человека, хотя прямо его обычно не высказывали. До некоторых пор. Но вот теперь новый этап. "Принимая вызов сложности", ее идеологи начали выступать *открыто*. Они сбрасывают маскхалаты, прямо заявляя, что человек не только одна из форм разума, но форма низшая, будущее место которой, как мы видели в эпизоде интернетовской полемики, «в зоопарках и резервациях». Главная «маска», приманка трансгуманизма, что человек при этом будет «более совершенным», а в конце концов, бессмертным. «Зоопарки для бессмертных», а роботы смертные? Или все наоборот? Ложь и противоречия на каждом повороте мысли! Странность, однако, в том, что желающие сохранить себя люди не хотят этого замечать, предпочитают не придавать значения все шире распространяющимся призывам к ликвидации человека, по прежнему полагая, что обосновывать необходимость его «ухода» со сцены бытия, никто не осмелится. Осмелились, а дальше, особенно если не встретят противодействия, идеология смерти человека будет проповедоваться еще агрессивнее. Пора видеть, как это делается и, чье сознание еще не подавлено техносферой, - защищаться.

В гуманистике, как известно, роковое слово о смерти человека впервые было произнесено французским структурализмом. Цель гуманитарных наук «не конституировать человека, а растворить его» (К.-Леви Стросс). Но тогда оно рассматривалось как некий прием, специфическая методология познания, которое предпринимается, в конце концов, ради человека. Смерть как онтологическое состояние и Благая весть о ней /Евангелие антигуманизма/ была провозглашена постструктуралистской философией или, распространяя ее на всю культуру - постмодернизмом. Наиболее решительные "слова надежды" на результаты познания человека высказал М.Фуко: "можно поручиться - человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке".² Это ставит его в ряд ключевых фигур вместе с Коперником и Дарвиным, символизируя наступление принципиально нового этапа в судьбе человека и его мира.

Но какой будет мир без человека? Что идет ему на смену? Сам Фуко оставляет эти вопросы без ответа. В последних работах он как бы даже отказывается от радикального антигуманизма, опять говорит о субъекте и герменевтике его познания. Однако идеи живут собственной жизнью и Ж.Делез

¹ Лиотар Ж.Ф. Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 58.

² Фуко М. Слова и вещи. М., 1994. С. 404.

в приложении "О смерти человека и о сверхчеловеке" к своей книге о Фуко такой ответ дает. "Силы в человеке вступают в отношения с силами внешнего: с силой кремния, берущего реванш над углеродом, с силами генетических компонентов, берущих реванш над организмом, с силой аграмматичности, берущих реванш над означающим... Как сказал бы Фуко, сверхчеловек - это нечто гораздо меньшее, чем исчезновение существующих людей, и нечто гораздо большее, чем изменение понятия: это пришествие новой формы, не Бога и не человека, и можно надеяться, что она не будет хуже двух предыдущих".¹ Ответ гораздо более конкретный, хотя тоже требует расшифровки: человек распался на факторы и силы; в этом качестве он вступает в отношения с техникой, прежде всего компьютерной /"кремнием"/, которая берет реванш над жизнью и естественным человеком /"углеродом"/; геновая инженерия, манипулируя человеческой телесностью, разрушает его целостность как организма; победа над означающим означает ликвидацию субъектности человека; в итоге образуется новая форма "не Бог и не человек".

Что это за форма, о которой все сказано, но она не называется? Очевидно, это и есть искомый постчеловек, возникающий в результате смерти Homo sapiens как природно-социального существа. А постмодернизм, включающий в себя трансгуманизм, есть идеология этого процесса и замены человека постчеловеком. Это сциентистский технократизм, перенесенный на существующего исторического человека. Предавая его, постмодернизм открывает дополнительные шлюзы и так смывающему нас стихийному потоку техногенного прогресса.

Я вернусь к людям излечить их от знания, не знающего любви (Будда).

Есть ли перспективы по установлению некоего *modus vivendi* между биогенным и возникающими на наших глазах техногенными формами разума? Каковы могут быть принципиальные подходы к этому?

Когда-то на Земле не было биосферы. Появившись, она охватила собой предшествующие виды неживой материи. Однако не полностью. Физико-химические структуры продолжают существовать самостоятельно, вне значимого биотического влияния. Возникновение другого не обязательно целиком и сразу отрицает бытие, послужившее его лоном. Со становлением ноотехносферы живая материя, человек с его естественным интеллектом превращается в "старую" форму бытия, но она вполне может продолжаться неопределённо долго, коэволюционно взаимодействуя с вновь возникшей. Содержание такого взаимодействия, его влияние на внешнюю и внутреннюю природу человека зависит от своевременного и правильного осознания им своего изменившегося положения, выработки жизнеутверждающей стратегии поведения. Немного, но зависит. Не может быть такого, что всё влияет на человека, детерминирует его, а он, обладая сознанием и волей, не определяет ничего.

¹ Делез Ж. Фуко. М., 1998. С. 171.

Идеологи технократии выдвигают против человека в сущности единственный, но чрезвычайно серьезный довод, о котором они иногда сами /надо отдавать должное/ сожалеют: ПРОГРЕСС! Он неотвратим, его не остановишь. Так говорят о смерти, от которой все равно не уйдешь. Прогрессизм стал поистине "смертным", смертельным аргументом, как последний довод королей. Самоотрицание человека не благо, а зло, но поскольку оно неизбежно, то его надо признать благом - такова логика абсолютного, фатального детерминизма, отказывающего человеку не только в свободе, но и в субъектности. Конечно, как бы многие философы ни воспевали свободу, часто тоже как абсолютную, ни выстраивали на ней целые системы, она у человека невелика. И все-таки есть, хотя бы потому, что как показывает история гибели или процветания народов, цивилизаций, развитие неоднозначно, оно ветвится, подвержено случайностям и люди иногда даже вынуждены делать выбор. В самой науке существует огромное количество разных теорий и проектов, одни из которых реализуются, другие отбрасываются. Их выбирают. Неодинакова и не предопределена мера энергии осуществления выбранного варианта. Как индивид каждый знает о своей будущей неотвратимой смерти, но ее можно сознательно приближать, вплоть до самоубийства, либо вести такой образ жизни, который ее отдалает. Этот выбор делает каждый человек и может делать человечество. Технофаталистическая ориентация приближает его смерть, гуманисты должны отдалять, стремясь сохранить экзистенциального человека - как личность или, по крайней мере, его субъективность - как актора. (О новом Средневековье, возвращении к героическому варварству, яростной, негарантированной жизни дикаря пусть мечтают палеофантасты).

Ситуация выбора затрудняется растущей агрессивностью противников человека. Принимая вызов сложности и отвергая жизнь, они прокламируют этот выбор как единственно рациональный. Но бесчеловечная рациональность для человека иррациональна. Иррационализм - вот действительная характеристика положения человеческого фактора в сверхсложных нелинейных системах. Учитывая, что в ходе дальнейшего перерождения часть из них окончательно захочет "уйти в машину" и будет тащить за собой остальных, необходимо культивировать ценности плюралистического, разнонаправленного, разноскоростного развития. Ценности разнообразия, которое является условием выживания в быстроменяющейся среде. Несмотря на появление постчеловека и киборгов, люди как личности и акторы должны заботиться об обеспечении возможностей для параллельного с ними существования. На технотронном витке прогресса, представляя интересы своих членов в целом, общество не только имеет право, но обязано контролировать и регулировать деятельность в одной из своих сфер - научно-техническое производство, особенно когда оно влияет на человека непосредственно. Последствия творчества в биологии, виртуалистики или медицине сейчас не менее угрожающи, чем в ядерной физике. Не случайно, даже сами разработчики новаций, те, которые хотя немного мыслят дальше своего носа, высказывают озабоченность перенакоплением в современном обществе опасного знания. Что похоже на перенакопление в нем оружия массового уничтожения. Представляется, что в

этих условиях *нафос озабоченности судьбой человека надо переносить от "познания" к контролю над этим познанием.* К его ограничению. Попытки разделить исследование живого по степени угрозы людям, как известно, предпринимались, часть работ, по инициативе наиболее ответственных и человеколюбивых ученых была запрещена, но настоящей морально-политической поддержки и общественного резонанса эта внутринаучная позиция не получила. Сколько-нибудь осмысленной биополитики не существует и все процессы развиваются стихийно. Даже клонирование, отменяющее пол и подрывающее весь механизм развития человека как живого существа, действительно массовых протестов не вызвало и ползучим образом переходит от животных на него. При такой реакции на самые дерзкие посягательства на собственную природу, мы даже не будем знать, когда нас не будет.

Думается, что импульсы к реальной борьбе за поддержание жизни на земле - не только вообще, как природы, а в ее высших формах, как человека - могли бы исходить от собственно гуманитарного человековедения и церкви. Именно они могли бы предлагать "фильтры выживания", которые надо ставить на пути внедрения достижения познания в практику. Считается, что мыслью управлять нельзя. Да. Но наукой можно и нужно, ибо это социальный институт. Лихтенберг еще 3 века назад говорил, что "если бы бог когда-нибудь захотел создать такого человека, каким его представляют магистры и профессора философии, то этого человека пришлось бы в тот же день отправить в сумасшедший дом". Бог, к счастью, до сих пор нас миловал и не допускал реализации большинства проектов, вырабатываемых в различных теоретических центрах и технологических парках. Есть надежда, что и не допустит. А молиться надо за то, чтобы он как можно дольше не позволил нам познать самих себя - лишиться души и стать роботообразными зомби. Хочется верить, что бог (пока его самого не смоделировали), внушит людям заняться более насущным делом: защитой своего творения от их собственного творческого произвола.

Чтобы обеспечить поддержку борьбе с безответственным вмешательством науко-техники в природу человека, за спасение ценностей жизни и гуманизма, человековедение должно радикально изменить содержание своей деятельности. Оно должно стать духовно-практическим, занятым *внутренним, метафизическим изучением человека, его совершенствованием и самосовершенствованием.* Которому нет предела! Оно, как и вся философия, должно стремиться к *союзу с религией против свободы внешнего научно-технического разума.* От религии же мы вправе ждать защиты устойчивости общества, его традиций, «генома», а не того, что она освоила рынок и последние компьютерные модели. Этот союз откроет дополнительное гуманитарное пространство для проявления тех сторон нашего духа, которые не находят выражения в обстановке засилья рационализма и информативности. Духовно-практические потребности необходимо рассматривать как точку отсчета при биополитической экспертизе научно-технических проектов. Это предполагает, что на первый план выйдут экзистенциально-этические аспекты человековедения: соотношение естественного и искусственного, жизни и

смерти, здоровья и болезни, вечных "констант" и исторической "меры" человека, коэволюции с миром машин, вопросы биоэтики в предельно широком - до отношения ко всему живому, и в самом узком - отношения к самому себе - смысле. Особенность большинства подобных проблем в том, что, будучи универсальными, они не имеют универсального решения. Это проблемы выбора, самоопределения и образа жизни. Их обсуждение нужно больше для самовыражения, нежели предполагает нахождение какого-то единого и единственного ответа. Они бесконечны и всегда актуальны, ибо каждый живущий решает их сам, по-своему. Познание и деятельность при этом уступают место общению и диалогу. Живому, а не коммуникационному. Коммуникация – это то, что *вместо* диалога. При всеобщей коммуникации, доведенной до состояния (как теперь ее хотят усовершенствовать) «от мозга к мозгу», наступит всеобщее молчание.

Если из сказанного кто-то сделает вывод, что я предлагаю закрыть все центры исследования человека и вместо них открыть пивбары, то он будет прав только отчасти. Не вместо них, а при них – это, во-первых; во-вторых, мы полагаем, что наш читатель - пусть себя проверит - еще не стал жертвой машинного мышления и способен воспринимать метафоры; а в-третьих, данный акт был бы негуманен в отношении людей, которые стали преимущественно техногенными и тоже хотят иметь возможности для самовыражения. Однако поскольку для них человеческие проблемы лишь предлог для построения схем, графиков и типологий, с последующей математической обработкой и «ожелезиванием», то они здесь не должны задавать тон. Каждый имеет право на место в песочнице, пока не выбрасывает из нее песок. Гуманитарные центры и журналы, в отличие от «гумано-лого-технических», видятся скорее центрами различного рода духовной помощи человеку, консультирования, медитации, философской терапии, включая терапию смыслоутраты. Это общественные органы если не любви, то сочувствия и понимания, а их внешняя деятельность будет направлена на оплодотворение такого рода ценностями остального мира. Это "церкви" для атеистов и агностиков. Только в этом случае можно надеяться на второе пришествие Будды. Или Христа. Или Аллаха. Вообще, на спасение Dasein - нашей формы бытия.

Познание и самопознание человечно, если осуществляется с позиций заботы о том, что познается, а значит ради его сохранения и самосохранения, ради дальнейшего развития, а не замены чем-то иным, всех, кто еще чувствует себя людьми, «снимающим» и уничтожающим. "Иное" позаботится о себе само. Чтобы противостоять движению по пути Mortido (влечения к смерти), мы должны видеть, как это делается. Прежде всего, в самой действительности и отражающей ее философии, особенно в современных («постсовременных») формах.

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) Основные этапы и достижения в познании человека.
- 2) Как отрекались от человека в ходе его познания?
- 3) Есть ли и где границы познания человека?
- 4) Общие представления о «сократическом повороте в философии», «ницшеанском нигилизме» и «буддийском учении о страдании».

Тема 4. Реконструкция человека

Человек как тело: информационная реконструкция

При феноменологическом восприятии человек предстает как тело. Т(ч)еловек. Что у него есть душа, психика, сознание мы до-мысливаем, воображаем, а непосредственно ориентируемся на выражение лица, глаз, походку и поведение. На то, что он говорит. Языком, голосом. Такой «наивный бихевиоризм» господствовал тысячи лет, до тех пор, пока культура не расчленила мир на внешний и внутренний, а у человека не увидела «безвидную» идеальную сущность. Самые могущественные и таинственные мифические силы проявляли себя в зооантропоморфном облике. Даже в развитых монистических религиях трансцендентный Бог, дьявол и ангелы имеют тело. Умервщляет человека старуха с косою, а его душу птицеобразные ангелы достают из груди, зацепляя крючьями, ибо она миниатюрная копия своего большого носителя. Зооантропоморфная картина мира казалась настолько естественной, что в форме тел воспринимались, ими называли все остальные, в том числе неорганические элементы сущего. Планеты и звезды – это небесные тела, их сочетания - «стрелец», «дева», «козерог»; время делят между собой драконы, собаки и обезьяны; тела бывают твердые, жидкие, газообразные; просто геометрические; есть тела-туловища – «корпуса» станков, кораблей, орудий и т.п.

С развитием хозяйства и познания живая картина мира изживалась, превращалась в метафору. От материального отделяется идеальное, от тела сознание, от души логос, вплоть до их дуализации как противоположностей. Поскольку природа лишается зооантропоморфных характеристик, то какие в ней тела? Это «объекты», «вещи», «предметы», а идеальное либо трансцендентально, либо особая субстанция и весь вопрос в том, как оно связано с материальным, как решается психофизическая проблема. Ею и была озабочена философия в качестве метафизики, да и вся традиционная культура до XX века. Точнее до лингво-семиотико-структурного поворота, на который, после возникновения информационной реальности, мы вправе смотреть как на ее предтечу. Отказ от вещей и субстратов, от онтологии и замена их языком, текстом и структурой есть, в сущности, начало трансформации предметной модели мира в информационную. Трансцендентальное гуссерлианство, знаковые подходы, семиотизация артикулировали тень, которую информационная реальность отбрасывала из будущего. Становление постиндустриальной цивилизации означает, что она стала настоящим, существуя рядом, вместе, а потом проникая внутрь вещно-событийного мира.

По мере проступания из тени контуров новой модели реальности трансцендентализм, семиотизм, структурализм и т.д. сменялись текстуализмом, постструктурализмом, деконструкцией тем, что обобщенно принято называть философским постмодернизмом. По аналогии со структурно-лингвистическим, можно, по-видимому, говорить о более крутом повороте в том же направлении – информационно-когнитивном и его гуманитарном выражении в

постмодернистской культуре. Или о перерастании лингвистической революции в информационную. Без усмотрения этой связи информационная реальность проявляет себя в ложном свете: как «изм», как идеология и таком качестве начинает говорить от имени всей эпохи постмодерна. Это искажает, сужает ее до постмодернизма, из-за чего постмодернистское философствование для тех, кто хочет искренне в нем разобраться, предстает, по выражению одного из отчаявшихся в подобном занятии, «сплошной непонятностью». Ничего удивительного. Постмодернизм допускает, даже предполагает превращение других авторов и тем более читателей в некий материал, сырье, объект манипулирования при производстве собственных текстов. Такова конструктивно-деятельностная установка, принципом функционирования которой является не истина, а достижение поставленной цели. Эффект, эффективность. Ее особенности весьма картинно обрисовал Ж. Делез: «В то время меня не покидало ощущение, что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что тоже самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который при том оказался бы еще и чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»¹. Чтобы не стать, «ничего не поняв», жертвой столь оригинального методологического подхода, заслуженно принесшего Ж. Делезу славу виртуоза в трактовке других авторов, кроме личной бдительности, надо помнить, что в наше время все товары продаются в обертках и яркой упаковке. Чем опаснее продукт, тем затейливее тара. Чтобы избежать несварения головы со всеми вытекающими отсюда последствиями, постмодернистские тексты не следует употреблять без расшифровки и демистификации. Их нельзя принимать за чистую монету. Гениальность не гарантирует благомыслия. Их изготавливают те, кто в лучшем случае не ведают, что творят, игроки, а в худшем – люди, чье сознание похищено постчеловеческой реальностью, через которых говорит и наступает *Иное*. Еще недавно постмодернизм дружно и резко критиковался; теперь, во избежание прослыть отставшим от прогресса, этого делать нельзя; так, чуть-чуть. Более того, самые прогрессивные философы уже объявляют об его собственной смерти. Мы будем – «посредине», стараясь держаться здравого смысла.

Резонно ожидать, что информационная модель мира должна вести к умалению предметности, особенно ее живых форм. Идеологическая загадка постмодернизма в том, что в нем, напротив, провозглашается телоцентризм. Его внимание сосредотачивается на телесности. Телоцентризм противопоставляется логоцентризму и должен, по декларациям, заменить его. Девиз «от слова к телу», призывы к телесной парадигме культуры, к переходу от вербальности к зрительным образам, от мысли к плоти стали общим местом постмодернистского философствования. Непрерывная профилактика здоровья, порнографическая эксплуатация и косметизация тела, распространение фитнес-

¹ Делез Ж. Ницше. СПб., 2001. С. 171-172.

практик («мышечная косметика») как будто дает для этого основания. Однако не менее известен и лозунг «смерти человека», стоящий в одном ряду, вернее победно завершающий борьбу с логоцентризмом. А предшествовали ему отряды идей и аргументов против этно-фалло-фоноцентризма, свойств и органов, сопряженных с человеческой телесностью. Все мы пока «этно», т.е. представляем ту или иную культуру, «фоним», т.е. говорим на том или ином естественном языке и имеем субстратное или (и) функциональное отношение к фаллосу. Как совмещается телоцентризм с анти-этно-фоно-фалло-логоцентризмом? Если же в центре культуры и мира действительно оставляют тело, то оно какое-то странное: «без органов» и «без пространства». Воистину клубок парадоксов и противоречий. Как змей, обвивающих тело Лаокоона, чтобы задушить Героя.

Когда роль явления падает, его значение может возрастать. Чаще всего так и бывает. Все объявляется телом. Душа – тело, письмо- тело, наряду с телами природы появились «тела мысли», дигитальные тела и т.д. «Тело может быть каким угодно; это может быть какое-то животное, тело звуков, души или идеи; оно может быть лингвистическим телом, социальным телом, некой коллективностью»¹. Если все – тела, то особенного тела, живого тела в его специфической идентичности – нет. В отличие от феноменологической архаики, когда антропная парадигма рассматривала неживое по подобию живого, и метафизического метафоризма, когда тело, не теряя самости, служит прообразом описания окружающего мира, в постмодернизме оно отождествляется с любой, в том числе неживой реальностью. Это некое «нечто», единица, элементы множественного сущего, взятые, однако, не в их разнообразии, а в их одинаковости. Универсальное бескачественное тело является «образным аналогом» информации и количества, так называемый «симулякр». Он(о) их воплощает. Для собственно информационной реальности достаточно чисел и «пустых знаков», но если через эту призму смотреть на материальный мир, ее приходится наделять субстратностью – в виде тел. Почему не вещей? Потому что за пределами вещи остаются живые формы бытия. Телом же можно обозначить все. К человеку можно отнести как к вещи, но вещь – не человек.

Отождествление человеческого тела с любыми другими телами следует считать экстенсивным этапом его информационной реконструкции. Этапом его превращения в «сому», в «плоть» как некий материал для дальнейшего использования при функционировании других систем. Прежде всего в современной медицине: одного тела для другого; мертвого для живого; живого для умирающего; молодого (младенцев) для старого; старого для экспериментов (муляжи) или "в искусстве" (выставки художественно обработанных трупов). Сначала для «лечения», а потом «улучшения», «совершенствования». Возникло тело без боли – но и без удовольствия, без запаха – но и без чуй(в)ств, без пота – но и без «мышечной радости». Охлажденная, нормализованная, пастеризованная плоть. Такое молоко хранится дольше. Если сравнивать продолжительность жизни современного цивилизованного человека с тем,

¹ Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 346.

сколько жили в традиционном обществе, то в 2-3 раза. Медицинские манипуляции телом являются своего рода подготовительным этапом, апробацией возможностей будущего более эффективного взаимодействия человека с машиной, их взаимопроникновения и сращивания, что позволит увеличить производительность труда, хотя чью и чьего - неясно. Распространение моды на пирсинг, это своего рода пробный шар внедрения чипов в человеческую плоть для "интуитивного", минующего органы чувств, контакта с компьютером «от мозга к мозгу» и создания «церебрально открытого общества». Глядя на эти процессы, дополняемые искусственной имитацией все большего числа органов, можно сказать, что в эпоху постмодернизма тело в самом деле находится в центре внимания. Однако не ради его сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. Ради реконструкции для чего-то иного (сбитый с ног и избиваемый толпой хулиганов человек находится в центре их внимания, но этот центр «не его»). Центризма собственно человеческого тела здесь нет. *Постмодернизм - это антителоцентризм.*

Концептуальным продолжением отмеченных тенденций является знаменитая постмодернистская идея «тела без органов» (ТБО). К легитимации данного феномена привлекаются самые косвенные или противоположные по смыслу высказывания, когда-либо делавшиеся в истории культуры. Обосновать столь невероятный для «до» и метафизического времени образ человека, не рисовавшийся даже в мифах (прежним чудовищам органов обычно добавляли), весьма трудно. Аппелируют, прежде всего, к Антонену Арто, который действительно выступал «против органов». Но здесь повторяется история с критикой метафизики Ф. Ницше и М. Хайдеггером. Они порицали ее «справа», за эрозию присутствия, а постмодернизм, прикрываясь их именами, «слева», за то, что оно в ней все еще наличествует. Так и с А. Арто. Как актер, художник, эстет он выступал за спонтанное, естественное, одушевленное тело. За «тело чистой страсти», экстатическое и сомнамбулическое. Если танец, то в движении должны быть не ноги, а все тело, если секс, то любит цельный человек, а не орган (после виагры). «У настоящего человека нет полового органа», - пугал обывателей А. Арто. Потому что он сам, весь человек, является полом. Органы сливаются с телом – вот эстетический идеал тела, действующего и созерцательного одновременно. В нем воплощается тотальность, характерная для истоков человеческой культуры, дошедшая до нас преимущественно в образцах восточных боевых искусств и духовных практик. Современный человек причастен ей разве что в сновидениях.

Постмодернистское «тело без органов» прямо противоположно этой интенции. Его органы отрываются от целого. Они умяляются, отрицаются, ликвидируются. О них больше не вспоминают. Тем самым тело становится «пустым», «без свойств». Это биосубстратное воплощение социального феномена «человека без свойств», в художественной форме предвосхищенного Р. Музилом. Сейчас «человек без свойств» интенсивно культивируется. Когда мы общаемся по интернету, не зная ни возраста, ни национальности, ни «про органы» (вместо пола – гендер), то мы выступаем как люди без свойств. Как

«некто». В Сети циркулируют чистые мысли с минимальным личностным окрасом в виде стиля и формы выражения. Чистому мышлению соответствует, противопологаясь, чистое тело. Компьютерные программы состоят из сочетаний пустых знаков. Коррелятивно им возникают, противопологаясь, пустые тела. Целостный телесный человек, человек как живой организм превращается в часть человека – посторганизм. В Corpus. (Корпус, если точно по-русски – вместилище, тулов(о)ище). В плоть. Обезличивание переходит в «обезорганизивание».

Тело без органов – соматическое тело. Это бесформенное, бесструктурное образование, некое «расчищенное место» для нанесения знаков или вживления чипов. «Протоплазматическая субстанция», «среда интенсивностей», «кинестическая амеба» – вот его типичные определения в постмодернизме. И если не поддаваться на отвлекающие уловки и случайные аналогии, то мы действительно обнаружим перед собой или самого себя в виде тела, оставшегося «после духа», ушедшего побродить по Сети и виртуальным реальностям. В этом путешествии оно ему не нужно. Бестелесные, в биологическом смысле = мертвые люди собираются и беседуют в «живом журнале». На самом деле – как бы живом, ~~живом~~. Виртуально, в сознании человек может мчаться с заснеженных гор, а телесно догнывать на диване, когда никакие органы не функционируют. Он может толстеть или истощаться как компьютерные наркоманы, но в обоих случаях тело атрофируется до биосубстрата. Тело как организм нужно для жизни в естественном, природном или в искусственном, но по крайней мере, предметном мире. Чтобы поглощать и преобразовывать его, сталкиваться и бороться с ним. Все живые тела, кроме простейших, имеют органы. Внутренние и внешние. Напротив, для восприятия и трансфера информации, для «жизни» в гиперискусственном, искусственном-2 достаточно мозга, дополненного, пока нет прямого церебрального контакта с машинным интеллектом, глазами и руками. Чтобы нажимать клавиши и шевелить мышкой. Не функционирующие органы рано или поздно отмирают. У современных интеллектуалов руки на глазах превращаются в ласты. Во что превращаются другие органы говорить не стоит. Просто не стоит. «Частичный человек», которого боялись классическая метафизика, марксисты и гуманисты – вот он какой! Отражающий эту ситуацию постмодернизм, его не боится. Напротив, описывает, проектирует и приветствует. Для физиологического закрепления этого процесса нужно, по-видимому, 2-3 поколения. И ТБО (тело без органов) или НОТ (новое тело) появится как завершающий этап в реализации информационной реконструкции человека. Такова оче-видная перспектива значительной части людей, с детства и много сидящих, а постепенно все больше лежащих перед экранами или в специальных шлемах.

Это перед экранами. *В натуре*. Но тела есть и на экранах, которых становится больше, чем живых, с органами или без органов. Для их обозначения тоже нужны соответствующие понятия. Ключевое среди них – «тело без пространства» (ТБП). Близкие к нему – «картография тел», «нулевое тело», «детерриториализованная телесность». Введение данных понятий было бы невозможно без огромной предварительной работы по разрушению

метафизической картины мира, в которой тела существуют как вещи, только живые. Они имеют массу, объем, высоту, глубину. Тело без пространства не вечно. Оно «не весит» (не вещит) и существует как конфигурация поверхностей. Теоретическая победа над высотой и глубиной тоже стала возможной после победы знаков и структур над вещами и субстратами. Но обоснование приоритета поверхностей и придания им мировоззренческой всеобщности происходит в рамках постмодернизма.

Решающий вклад здесь внес опять-таки Ж.Делез. Как всякий идеолог он апеллирует к процессам, протекающим не в производстве, универсуме техники или социуме, а к внутренней филиации идей. В борьбе с «вещностью» метафизической философии он ищет аргументы в самой философии, максимум, в личной жизни. Ссылается на стоиков, на Пифагора, вспоминает о ленте Мебиуса и т.д., лишь бы не выделять, не акцентировать подлинную движущую причину: возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела; возник double world, (второй мир), в котором тело без пространства вместе с текстом становятся заместителями реальности вещей и заслоняют тысячелетия другого способа бытия людей. «Все что происходит и все, что высказывается, происходит на поверхности. Поверхность столь же мало исследована и познана, как глубина и высота, выступающие в качестве нонсенса... Двойной смысл поверхности, неразрывность изнанки и лицевой стороны сменяют высоту и глубину. За занавесом ничего нет, кроме безымянных смесей... Поверхность подобна запотевшему стеклу, на котором можно писать пальцем... Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхностей – клещ или блоха. Как назвать это новое философское свершение?»¹.

Как видим, Ж. Делез идет ощупью: вместо мониторов «запотевшие стекла», вместо компьютерных плат с напылением сверхчистых веществ «безымянные смеси», по экранам под воздействием мыши прыгает не курсор – это главное орудие мышления « сетевого философа», а «клещи и блохи». Таким же образом, описывая как будто с натуры тело без высоты и глубины - на телеэкране, он упорно избегает его соответствующей квалификации. « Всегда говорит именно рот; но теперь звуки уже не шумы тела, которое ест – это чистая формальность; они становятся манифестацией выражающего себя субъекта»².

Итак, еда для тела без пространства чистая формальность. Шумит, фонит тоже не тело, а что-то другое, благодаря которому «звук становится независимым». Действительно, звук производят аппараты, которые потребляют электрохимическую энергию, а не хлеб с мясом, про которые как бы уже и стыдно вспоминать в серьезном научном разговоре о человеке. Все это правда, кроме... правды. Фактически речь идет не о теле, не о живом теле и не о человеческом теле, а о теле без тела. Нет главного признака тела, который в

¹ Делез Ж. Логика смысла. М., -Екатеринбург. 1998. С. 181-182.

² Там же, С. 245.

философии подчеркивается со времени Декарта – массы, объема и протяженности, т.е. пространства. Нет обмена веществ, без которого живое не существует. Информационизм – это антивитализм. Тело без пространства – тело на экране, экранное тело. *Это – антитело.* Антитела вокруг нас.

Трудно сказать, является ли подобная двусмысленность постмодернистского описания тела без пространства сознательным обманом с целью представления любого бытия информацией или это самообман, связанный с неразвитостью экранной среды времени становления данной философии. Ведь в 60-е годы эпоха постмодерна только начиналась. Удивительно другое. Сейчас, когда информационная цивилизация входит в пике, а о деконструкции всего и вся написаны монбланы книг, эта неясность не просто сохраняется, она продолжает культивироваться. «Тело без пространства» всерьез обсуждается как тело человека. В то время как эти антитела начинают заслонять протяженные и живые, все больше составляя наше окружение. Среди них полно давно умерших (так осуществляется утопия Н. Федорова) или никогда не существовавших. Они энергичнее, красивее, совершеннее живых, кажущихся на их фоне неуклюжими и устаревшими. Копия стала лучше оригинала! (Вот причина, почему «повторение предшествует факту»). И без его примитивных проявлений. Поэтому восхваляется «желание без соблазна», т.е. без соблазна, т.е. без телесного Другого. Сексуальность адресуется «напрямую, к образам без тел». Достаточно контакта с «телами без пространства». По старому это называлось онанизмом, тем, что возможно, но находится за пределами нормы. В нем как «любви без другого» находит свое техническое воплощение идеал свободы (никто ни в ком не нуждается) и а(в)то(но)мизация либерального общества, перерастающие в аутизм его членов. Для человека с «телом и органами» это плохо, печально, но ...прогрессивно. Значит – хорошо. Сказать «плохо», решиться на критику экспансии тел без органов и пространства страшнее, чем отрицать собственное существование. Ведь это значит вступить в противоречие с Техникой, прогнать наше новое божество. Быть «атехнистом» при идейном господстве техницизма и информационизма, (а скоро, вот-вот, будет и биотрансгуманизма) то же самое, как быть атеистом в Средние века. Это значит претендовать на то, что наше мышление должно быть не рефлексом событий, не «отражением бытия», а рефлексией над ним(и) и на то, чтобы остаться субъектом происходящих процессов – состояние, сохранить или достичь которого возможно не удастся вообще. Не успеем, ибо параллельно информационной реконструкции человека как тела развертывается деконструкция и «пересоздание» его духовно-личностной сущности.

Человек как субъект: информационная реконструкция.

В XX веке всегда присущая человеческой истории трагическая сторона перестала быть локальной. Она глобализовалась в буквальном и переносном смысле слова. Достаточно вспомнить две унесшие миллионы жизней мировые войны. Меньше обращают внимания на то, что идейно, в символическом

универсуме разыгралась своя кровавая драма: исчез, погиб, пропал без вести, умер – человек. Вообще! И не просто сам по себе. Его преследовали и убивали везде и как скоро обнаружат: как автора, читателя, субъекта, личность, сверхчеловека, творца. В философии удар направлялся прежде всего против субъекта. Субъект – это «теоретический человек». Он носитель сознания, языка, активности и свободы. Без него нет объекта (как верно и наоборот). В совокупности субъект и объект исчерпывают наше бытие. Борьба таким образом велась с моделью мира, существовавшей в течение 2,5 тыс. лет, с «осевого времени» как эпохи возникновения культуры и философии. Этот мир подрывается, деконструируется, продолжая разрушаться посредством и в результате все той же лингво-семиотической, а если говорить принципиальнее, информационной революции. Становление техно-информационного общества – время, когда «сломалась ось времен» и «кончилась история». История как предметно-культурная, субъектная деятельность людей. Эту революцию можно сравнить и со становлением неолита. По своим же апокалиптическим тенденциям она, по-видимому, значимее всех предшествующих исторических поворотов.

Разумеется, борьба против субъекта была неоднозначной. Она была «вокруг него», его критиковали с разных сторон, с противоположными намерениями. М. Шелер за то, ориентация на него завела европейскую философию в трансцендентно-рационалистические дебри, где человек потерялся. Надо, возвратив субъекту тело, чувственность и тем самым целостность, поставить его в этом качестве в центр мира. Наше мышление, наша логика, так или иначе человекообразны. Любое философствование мотивировано человеческим и приходит к нему. Так возникла философская антропология, претендующая быть смысловым ядром философии вообще. Единственно на человеке, его личности и индивидуальной свободе, отгораживаясь от проблем остального сущего, сосредотачиваются персонализм и экзистенциалисты. М. Хайдеггер, наоборот, отталкиваясь от экзистенциализма, вернулся к Dasein, «вот-бытию» как нераздельному бытию-сознанию. К субъектно-бытийному единству тяготеют теории «жизненного мира» поздних Э. Гуссерля и Л. Виттгенштейна.

Все это происходило под влиянием революции в естествознании, когда субъект, вопреки классике, включается в познавательный процесс, сначала как наблюдатель, а потом превращается в деятеля, проектировщика и конструктора фактов. Так возникли неклассическая наука, модернистское искусство и искусственная предметно-техническая реальность как повседневная жизненная среда человека. Они до сих пор преобладают в нашем окружении, хотя все это явления индустриального, доинформационного общества. Они современны, актуальны, но – не больше. На фоне «постсовременного», постмодернистского или, если бежать впереди прогресса, трансмодернистского развития цивилизации, они консервативны. Оставаясь модернистскими, они хотят, несмотря на перемены, сохранить человека в его традиционной форме. Они цепляются за его антропологическую идентичность. Между тем, с точки зрения деконструктивизма время человека и как телесного существа, и как субъекта истекает. Истекло. Чтобы вписаться в новую, «новационную» информационную

реальность и полностью соответствовать ей, он, как минимум, должен быть реконструирован.

В отличие от косметического ремонта реконструкция предполагает предварительную деконструкцию: прекращение функционирования, разборку на элементы и части, если не деструкцию – разрушение до субстрата. На прекращении функционирования, объявив об изгнании субъекта из теории, остановился структурализм. Остановился на вытеснении, «не сотрудничестве» с ним, на методологическом приеме. В отличие от него постмодернизм (постструктурализм) не игнорирует, а действительно проводит деконструкцию субъекта, дискредитируя его по всем философски важным параметрам. Более того. В отличие от деконструкции человека как телесного существа, которая сразу реконструирует его в «тело перед экраном и на экране», приспособлявая тем самым к жизни в новой информационной среде, деконструкция человека как субъекта ведется с «нуля», вернее до нуля. Сначала его «растворяют», доводя до смерти, по крайней мере, клинической, и только после, увидев, что делать с ним больше ничего, да и сами остались без работы, а главное огорчение, что люди, субъекты, не подозревая о своем небытии, продолжают суетиться, эти «проблемные поля» пришлось восстанавливать. Заговорили о «воскрешении субъекта», но... «после человека», в русле afterpostmodernism-а и трансгрессии.

Дело долгое, непоследовательное, с превратным результатом. Мы же пока должны рассмотреть основные аргументы против присутствия субъекта в мире, его центральной положения в нем, его статуса носителя мышления и свободы. Какими силами и во имя чего отрицается человек-субъект?

Вопросы кажутся сложными, однако если помнить об определяющей смысл всего деконструктивистского философствования борьбе с философией как метафизикой, то ответ не требует отдельных изысканий. Он вытекает из общего отрицания признаваемой в ней реальности (присутствия), не суть важно материальной или идеальной, из его борьбы с онтологией и теологией, отказа от различия означаемого и означающего. Это, говоря устаревшими словами, означает, что в нем нет ни объекта, ни субъекта. Постмодернизм, не признавая деления бытия на внутреннее и внешнее, стремится преодолеть бинаризм в подходе к нему, не суть важно дуалистический или диалектико-монистический. Можно бы утверждать, что для него оно едино и единственно по самой своей природе, если бы слово природа в нем не было табуировано. «Бытие» едино и единственно в языке, тексте, письме как некоем самодействующем (автоматическом) и саморазвивающемся множестве знаков. В том, что стало на место природы – в информации. Этапность постметафизического преодоления метафизической двойственности мира в том, что если в структурализме субъект снимается, «растворяется» как бы проходя, наряду с предметной сущностью, то для постмодернизма смерть субъекта – credo или, говоря его языком – брэнд.

Общая незавидная судьба объекта и субъекта проистекает также из ориентации постметафизического философствования на переход от парадигмы бытия к парадигме становления. Переход «From being to becoming» означает потерю субстанциональности мира и его трансформацию в модальное состояние. «Становленческая методология» - синергетика. Если и когда ее

превращают в мировоззрение, она ведет к потенциализму и нигитологии. Когда все – процесс и поток, если вещи и тела нам только кажутся в силу медленности восприятия, то такая же иллюзия наше «Я», сознающий себя человек. Скорость естественной эволюции не поспевает за скоростью искусственных технических перемен и в результате происходит своего рода переоценка ценностей: уже естественное сущее представляется все более искусственным, феноменологическим, «вторичными качествами». Научная картина мира становится энергийной, «энергетической», в ней начинает превалировать идеология процессуальности. Хотя становленческая линия борьбы с человекоразмерным бытием не собственно семиотическая, по ней постмодернизм отрывается от статики структурализма, предполагающего сохранение вещей в качестве самих себя. Отрывается все активнее, резче и по мере приближения синергетики к противостоянию с системностью вступает в стадию трансмодернизма как «философии иного». Претендуя на мировоззрение, синергетика подрывает базу идентичности человека-субъекта, делая его из действительного возможным, из телесного виртуальным, из индивида «дивидом» и «мультидивидом». Синергетическое мировоззрение коррелятивно или, можно сказать, создает условия для того, чтобы субъект трактовался как рефлекс тотально технологизированного общества и информатизма. Так, каким он в этих условиях становится – функцией, модусом, сингулярностью, складкой.

Итак, человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя выделяемую из тотальности бытия единицу. Она безлична, но не пропадает в его «бездне». Это артикулированное, свободно перемещающееся в (по) «языковой реальности» образование – номада. Не обремененное субстратностью, оно (она) кочует, где хочет, не подчиняясь «власти». Власти не узко политической, как думают, представляя постмодернистов какими-то борцами за права человека, а необходимости и обстоятельствам жизни, ее содержанию, «глубине» - не подчиняясь власти присутствия. Данная сингулярность и является тем, что когда-то было человеком, субъектом, индивидом, личностью, экзистенцией, вот-бытием. В сравнении с этими метафизически-антропологическими категориями у нее, кроме отмеченных, масса других преимуществ. Подобно тому как через «поверхность» преодолеваются мучившие философию на протяжении веков оппозиции материального и идеального, объективного и субъективного, природы и ее «зеркала», так через сингулярность решается проблема психофизического дуализма человека – тела и духа, бессознательного и сознания, «нонсенса» и смысла. Экран, табло – это «представительство другого», чье-то материализованное сознание и идеализованная, превращенная в функцию материя. «Нонсенс и смысл покончили со своим динамическим противостоянием, и вышли в сопresутствие статичного генезиса – нонсенс поверхности и скользящий по поверхности смысл. Трагическое и комическое освобождают место новой ценности – юмору».¹

¹ Там же, С. 190.

Ж. Делез исполняет настоящий гимн юмору. Прослушивая его, не следует ограничиваться эстетическими и литературными оценками. Это философская категория, своего рода «картина мира», новая модель бытия, в котором нет ничего смешного. Это действительно эзотерический, т.е. тайный, эзоповский язык разрушения предметной среды, необходимой для существования человека и «диссоциации» его самого как субъекта ради их замены информационно-экранными аналогами. Если смех, даже ирония выражают чувства целостного, телесно-духовного человека, возникающие при его определенном типа столкновениях с миром, то юмор результат сдвига смыслов в тексте. Это игра понятий, сугубо умственный, «логический смех» вместо живого, телесно-духовного, не говоря о физиологическом выражении радости бытия в виде беспричинного, «дурацкого» смеха (обычно молодежи). Но открытые призывы к элиминации целостного человека встретили бы среди людей не ставших пленниками информационной реальности, много противников, их смех, гнев или плач. Поэтому яд лучше вливать незаметно, «логически». «Юмор – это искусство поверхностей и двойников, номадических сингулярностей и всегда ускользающей случайной точки, искусства статичного генезиса, сноровка чистого (т.е. не обремененного субстратом - В.К.) события и «четвертое лицо единственного числа» («оно», трансвестит? - В.К.), где не имеют силы ни сигнификация, ни денотация, ни манифестация, а всякая глубина и высота упразднены»¹. Упразднен, позволим себе сделать обобщение, реальный предметно-телесный мир. Включая трансцендентный, куда человек возносится как духовное существо. В этом – «все» деконструктивизма, итог и смысл его методологических по(д)ходов, борьбы с метафизикой, переписывания истории и т.д. Это *природно-культурно-антропологический элиминативизм – освобождение места для универсального распространения искусственной, прежде всего информационной реальности.*

Однажды Ж. Деррида на докучливые вопросы своих поклонников о том, «Что же было в Начале?», до «повторения и различия» явно не без юмора, но совершенно честно сказал: «В Начале была телефонная линия». Поклонники юмора не поняли и до сих пор спорят, что за загадку загадал им великий человек. О ней пишут в энциклопедиях как о чудачестве, которое позволяют себе, подобно эстрадным звездам, некоторые философские мэтры. И здесь подтверждается правота тезиса постмодернизма, что текст создается не столько автором, сколько читателями. Ж. Деррида открыто объявляет, что его философия есть модель информационной реальности и рефлекс computer science, тем более, что в годы, когда его спрашивали, в интернет можно было войти лишь по телефону, но ему не верят. Слишком просто. Оскорбительная ясность, как сказал бы Ницше. Правда, к извинению «читателя», Деррида одновременно маскирует суть дела томами текстов препарирующих развитие человечества под развитие искусственного интеллекта, «при этом так, чтобы он казался естественным». Его грамматология заменяет все когда-либо бывшие виды субстанции и онтологию. «Телефон» был раньше «Большого взрыва» и

¹ Там же, С. 190.

господа Бога. «Мы все живем внутри Универсального Компьютера» – эти последние открытия физики Деррида со своим телефоном сделал намного раньше, изначально и парадигмально. Прежние факты, взгляды и теории уродуются методами деконструктивистской оперативной хирургии, превращаясь в «безбородого Маркса, бородатого Гегеля и усатую Джоконду», т.е. в какие угодно «автору!» Но при наличии подобных откровенных признаний, а «телефонное» не единственное, и открытого про(ре)кламирования теоретического произвола, разобраться в этом воинствующем презентизме все-таки можно. И нужно.

Новые идеологии как правило агрессивны, стремятся к «абсолютизации». В данном случае поражает размах, цинизм агрессии, хотя они адекватны масштабу наступления искусственного виртуального мира на естественный. Назначение философии, если она хочет служить благу человека, в том, чтобы видеть и «разруливать» такого рода aberrации. К сожалению, ослепленная прогрессом технауки, она (их) видит все хуже. Видно мальчиков в ней, которые могли бы по достоинству оценить новое грамматологическое платье постмодернистских королей, все меньше. Открытое тоталитарно-технологическое общество враждебно рефлексии и игнорирует мыслящее мировоззрение. Оно подавляет в себе последние живые элементы.

Однако вернемся, вернее, подключимся к Началу, т.е. в Сеть. Из нее «внутри», вернее поверхности, легче понять всю неуместность присутствия в ней субъекта. Уже не в плане его телесности как совместной с любым объектом неуместности присутствия в семиосфере, а с точки зрения его собственной теоретической специфики. Субъект несет в себе Центр – по определению. Он, в отличие от объектного, страдательного залога – залог действительный. У Канта он стал солнцем, вокруг которого вращается Земля, у Фихте дело дошло до креативного солипсизма: Я порождает не-Я, не говоря о библейском Все-вышнем Субъекте как создателе Все-ленной. Центризм – атрибут субъекта. Он несет в себе признание вертикального измерения сущего, наличия у него субординирующих параметров, его иерархическое устройство. Признание глубины и высоты, объемов и протяженности прямо противоречит апологии поверхностей и экранов. Центризм означает, что мир является или должен быть Территорией, Системой, у которой есть организующий фактор, Бог или человек как цели в себе. Если он не присущ самому миру, то мы его примысливаем в силу логики метафизического мышления. Деревья растут не только в лесах, но и в голове. И вот вместо них в наших головах прорастает «ризомы» как «первый набросок», «проба пера» новой несистемной логики. Логика сетей, по которой функционирует информационная реальность. Сетевая логика – антипод иерархии земного притяжения с ее центризмом и вертикальностью, ядром и периферией. Это чистый, «бездомный» релятивизм и коннекционизм космической невесомости и виртуалистики, когда все может быть всем.

А(нти)центризм – теоретический фундамент борьбы с этно-фалло-фоноцентризмом как неотъемлемыми свойствами человека и субъекта. Удаление общего центра обрушивает все конкретные периферийные центризмы. Деконструкция центра – центральный момент в «растворении» субъекта. Но

поскольку субъект все же не тождественен центру, то после уничтожения последнего, от него остается «субъективное» или «субъектность». Фактически это означает низведение субъекта до статуса объекта, только особого рода и состояния. В контексте «территориальной» системно-структурной методологии субъект как субъектность предстает функцией системы, модусом или складкой структуры. О «складке», складывании и складчатости, о «стигах и карманах» как о том, что остается после субъекта, больше всего писал М. Фуко. У Ж. Делеза вместо субъекта сингулярность, у Ж. Деррида подпись, у М. Фуко складка. Они, однако, не противостоят друг другу. За небольшими различиями эти понятия открывают дорогу топологическому описанию явлений информационной реальности, их графическому выражению. Субъектное, наконец, становится гомогенным природе Сети, ее топологической конфигурации. Теперь «Бытие» действительно Едино. Оно стало количеством и информацией.

Информационная реконструкция субъекта, дополненная и продолженная ниспровержением Логоса, логоцентризма и замена его Письмом (программологией) трансформирует философию, как и гуманитарное познание вообще в топологию и исчисление. Другими словами, она ее (его) ликвидирует. Грамматология – «золы угасший прах» онтологии. Конфликт двух культур завершается полной победой науки. Науки на новом, дигитальном основании. Топология и исчисление в совокупности являются количественно-математическим аналогом качественного естественно-феноменологического мышления. Аналогом и антиподом. После перехода от мифа к логосу, от преимущественно чувственного восприятия мира к рациональному, человечество совершает второй великий исторический переход от логоса к матезису, когда «живая» ценностно-целевая рациональность заменяется отчужденной от субъекта технологией информационных преобразований. Поворот, который в его судьбе может стать последним.

Что касается свободы и самости, других неотъемлемых от субъекта атрибутов, то после его информационной реконструкции, говорить о них не имеет смысла. Вопрос решается автоматически. Свободу всегда ограничивала власть «материи» или «Бога». Сеть – это артикулированный, детерриториализованный хаос, потенция, ничто, т.е. свобода. Абсолютная. Абсолютная - и «беспредметная». Абсолютная, но «в сетях»: субъектная, складчатая, сингулярная, номадическая. Без имени собственного. *Постчеловеческая*. В отношении традиционных представлений о субъекте как воплощении свободы в мире мы ограничимся мифо-лого-поззоцентристским воспоминанием:

«Основано от века
По воле Бога самого
Самостояние человека
Залог величия его».

Вряд ли такие строки А.С. Пушкин мог посвятить человеческому фактору и субъектности, воспевать любовь к телу без органов и телу без пространства, заботиться о судьбе сингулярности и складки. Само-стоятельный человек,

человек как цель, а не средство – наследие допотопной, доинформационно-новационной эры. Пока она не завершилась, есть возможность заняться рассмотрением того, «что день грядущий нам готовит». Как, предполагается, де(ре)конструированный человек будет жить дальше? Или «кто» в-место него?

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) «От слова к телу» - как вы понимаете этот девиз постмодернизма?
- 2) Что такое «тело без органов»?
- 3) Что такое «тело без пространства»?
- 4) «Смерть субъекта» – как вы понимаете этот девиз постмодернизма?
- 5) Кто/что занимает место субъекта в постмодернистской философии?

Тема 5. Перед заходом солнца

(деконструкция пола и умирание любви в техническом мире)

Источник жизни, высшая ценность духа

Жизнь как пламя. Ей все время нужен новый материал. Способность размножаться, воспроизводить себе подобные существа взамен сгоревших при обмене веществ является признаком отличия живого от неживого. Прimitивные организмы могут производить идентичное потомство простым делением (бинарное, множественное, фрагментацией, спорами, клонированием, почкованием), у высших обязательно взаимодействие разных по наследственным и морфофизиологическим характеристикам особей. У них образуется пол, благодаря чему генетические изменения из обусловленных случайными мутациями, превращаются в постоянный механизм отбора полезных свойств, "встроенный" в эволюцию биоты. Возникновение полового деления и есть граница между низшей и высшей формами жизни на Земле. Это была подлинно сексуальная революция. В рамках развития и совершенствования живого она по своему значению сравнима с появлением органических существ вообще.

Половая стратегия жизни предполагает, что субстратное разделение особей сопровождается обратной тягой к единству, влечением к образованию нового целого и тем самым восстановлению онтологической тождественности вида. Бинарная поляризация субстрата компенсируется энергией соединения. Кроме наследственных биологических выгод возникновение полов увеличивает эффективность взаимодействия с внешней средой. Оно целесообразно поведенчески, когда к особи предъявляются противоположные требования: быть спокойной, например, при рождении и воспитании потомства или быть агрессивной, продолжая защищать свою территорию; охотиться ради собственного выживания или кормить детенышей; быть ориентированной вовне или вовнутрь. Одновременное действие по противоположным векторам дисфункционально, сужает возможности видового прогресса. Деление по полам решает эту задачу, закладывая более адекватную структуру ответа на вызов сталкивающихся друг с другом сил. Разделение функций "по полам" первый шаг к сложности и получению эмерджентного выигрыша. На этот путь тем или иным образом встали все высшие существа. Диалектика пола является выражением общего нарастания сложности развития живого. В мифах и философии древних она обычно распространялась на мироздание в целом. Соединение и разделение, любовь и вражда рассматриваются как силы, пронизывающие любое сущее. Космос живой, имеет края и полюсы, он намаг/н/ичен, напряжен, в силу чего представляется как Мировая Душа, Абсолютный Дух, Бог.

Возникновение человеческого духа настолько связано с полом, что наряду с объяснением этого события божественным Актом или совместным трудом, в некоторых теориях его предлагают считать результатом противоречия между влечением и социальностью. Табуирование инстинктов, особенно такого

фундаментального как половой, рождает воображение, а потом мысли. Во всяком случае признано, что первобытная культура, протокультура пронизана сексуальностью, вращается вокруг гениталий. Половые отношения лежат в основе матриархата, когда вся жизнь, пока не знали отцов, организовывалась вокруг рождения и воспитания потомства. Хотя значение физической силы и агрессивности на охоте, в удовлетворении инстинктов и борьбе с враждебными племенами было выше, чем когда-либо, структура социальных отношений определялась прямым родством и кровью, по материнской линии. Лишь с появлением возможности производить больше, чем сразу съедали, то есть накопления, а потом собственности и классов (да простят мне этот "марксизм" представители новой идеологической конъюнктуры) возникают семья и патриархат. Семья (семя) по своей сути означает появление отцовства, она всегда патриархальна, эти институты рождались и исчезают вместе. Возникновение семьи было первым поражением почти еще природной сексуальности от культуры. Отныне семья - "ячейка общества". Сексуальность перестает быть непосредственной и спонтанной, она не просто структурируется, а целенаправленно, потребностями новых социально-экономических форм жизни регулируется. Регламентирующее вторжение культуры в свободу секса порождает лицемерие (желания, которые трудно скрыть, приходится закрывать набедренными повязками) и... любовь, предпосылки к ней. Если в происхождении сознания в целом из напряжения между желаниями и запретами можно сомневаться, то в отношении морали и любви это кажется бесспорным.

Становление индивида как личности шло рука об руку с процессом его выделения из рода, а потом и общины. Между родом и личностью образуется разрыв, который в ходе истории расширяется. Его можно считать выражением драмы взаимодействия природы и культуры. Их противоречие разрешалось прежде всего через изменение места половых отношений в обществе, способов реализации "основного инстинкта". На стороне рода - телесность, потребности продолжения природно-биологического существования человека, радость, которую он получает от их удовлетворения, на стороне личности - сознание, хотя вначале еще "родовое", связанное с овладением внешней природой, ее использованием ради облегчения жизни, удовлетворения от достигаемых целей. Воздвигаемые перед непосредственной чувственностью препятствия, ее "преследование" вплоть до подавления, вели к усложнению и сублимации переживаний, их возгонке в более тонкое состояние. Но как бы это соотношение родового и индивидуального ни менялось, закон сохранения человека в качестве особого биологического вида ставил ему границы: поддерживать тягу к единству, взаимное влечение полов, служа тем самым источником продолжения жизни.

Считается, что связывать с полом все формы любви: чувство красоты, дружбу, симпатию, милосердие, любовь к Богу (как делал, в частности, З.Фрейд), - значит вульгаризировать проблему. Вряд ли, однако, будет убедительнее эту связь совершенно разрывать. Да, стороны здесь полярны: от "никакой любви нет", в лучшем случае, она "ловушка для воспроизводства

вида", в которую, подразумевается, умный человек не попадет, до: "любовь - божественная (космическая) сила", к которой секс не имеет отношения. Эта полярность факт, но она континуальна. Исключая, отрицая, ее стороны предполагают друг друга. Это не две разные субстанции, хотя бы и в единстве, а одна, хотя в разных состояниях. Половое деление - континуальное деление и идентичность человека как *Homo sapiens* обусловлена сохранением этой континуальности как таковой. Потеряв способность к любви, он не возвратится в животное и даже в варвара, а утратив интерес к сексу, он не станет ангелом и даже святым. Это будет трансформация в какое-то иное качество, которая сейчас практически начинается. Пока же надо напомнить о высочайшей ценности любви, до сих пор признававшейся человечеством. Как впрочем и секса, ибо мы договорились, различая корни и вершину дерева, их, считая единой сущностью, не разделять (чтобы не наломать дров).

О ценности любви пора именно напоминать. Вряд ли в техническую, поставившую под вопрос все природное, эпоху, о ней можно сказать что-либо лучше, чем прежде. Мифы и великие философские учения Древнего Востока, Камасутра и притчи царя Соломона воспевают любовь как главное в жизни человека. Ею пропитана почва, на которой выросла и европейская культура. "Omnium procedit ex amore" (Все происходит от любви) - утверждали римляне. Или христианство: "Бог есть любовь", Евангелие (Благая весть) - это весть о любви Бога к людям. Соответственно, основной заповедью их жизни должна быть любовь к ближнему. Любви и делай что хочешь, формулирует суть христианской морали Августин Блаженный. Как смысл бытия, как синоним счастья любовь рассматривалась в эпоху Возрождения и в Новое время. Не только духовная, на что делало упор христианство, но и телесная. "Доставшиеся нам несколько глотков волшебного напитка любви, - говорил Гете, искупают все тяготы жизни". Любовь - это солнце, вокруг которого вращается человеческая жизнь, она во взлетах творческого вдохновения и страданиях, святости и неврозгах - в литературе, живописи, остальных формах искусства. "All you need is love" (Все, в чем Вы нуждаетесь - это любовь) дает совет нашим современникам, пожалуй, последний выдающийся представитель гуманизма Э. Фромм. Признание абсолютной ценности любви можно найти не только в высокой, но и массовой, молодежной культуре, хотя все больше в какой-то печальной, пугающей тональности.

Послушай, что я скажу,
Тебе не стоит жить.
Послушай, что я скажу,
Ты разучился любить.
Голубую сетку вен порви скорей.
Послушай, что я скажу,
Себя убей!

Эти и подобные настроения стали распространяться после, как считается, великого торжества пола, происшедшего во 2-ой половине XX века в передовых странах Запада, когда в результате распространения сексуальности

"вширь и вглубь", перед людьми открылись невиданные, небывалые возможности удовлетворения всех чувственных влечений и духовных желаний.

Парасексуальная революция: пейзаж после битвы

Существо событий, которые принято называть сексуальной революцией, состоит в том, что эротико-физиологическое удовольствие, всегда являвшееся средством, "приманкой" для продолжения рода, отрывается от своей основы и приобретает самостоятельное значение. Становится самоцелью. Репродуктивная функция взаимодействия полов вытесняется рекреационно-гедонистической. Тем самым пол, сексуальность в их природно-биологическом смысле отменяются. Органы размножения наличествуют, но "недействительны". С точки зрения продолжения рода образуется как бы тело без пола. А вообще, без "как бы". По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) "сексуальность - это способность рождения, продолжения рода". Оно совпадает с тысячелетними представлениями человечества о половой любви как причине жизни. На поддержание её такого предназначения были направлены и социальные регуляторы. Иные формы использования сексуальной энергии - внебрачные или внесемейные связи, проституция, порнография, нарциссизм, онанизм, гомосексуализм и т.п. рассматривались как отклонения от природы вещей и патология. Они осуждались обычаями, моралью и религией, преследовались юридически. Вплоть до предания смерти.

Отныне подобному отношению положен конец. Открытые либеральные общества провозглашают терпимость к любым способам сексуального удовлетворения, если они осуществляются по соглашению сторон и не причиняют вреда другим индивидуумам. Сексуальность больше не связывается с продолжением рода. Обычное интимное взаимодействие мужчины и женщины, даже если оно вне семьи и с предохранением от нежелательных последствий, называется теперь "традиционным сексом". То есть тем, что когда-то возникнув, не подкрепляется потребностями настоящего времени и существует по инерции. Все, кто живет обычной половой жизнью - консерваторы, традиционалисты и фундаменталисты, если уже не экстремисты. Во всяком случае, защищать ее они не должны - объявят нарушителем толерантности. Что касается главной функции половых отношений - рождения детей, да еще в семье - эти, на фоне общего уровня сексуальной жизни чрезвычайно редкие акты, приобретают статус пережитков прошлого, на смену которым разрабатываются более прогрессивные способы воспроизводства человека.

В связи с утратой полом своей сущностной природной роли, происшедшую сексуальную революцию правильнее называть контрсексуальной. Или сексуальной контрреволюцией. Оценивая же ее не с биологических или морально-религиозных позиций, а по социальному содержанию и в то же время отдавая отчет в эволюционном значении возведения в норму побочных рекреационно-гедонистических форм эксплуатации сексуальной энергии,

данный феномен целесообразнее всего характеризовать как парасексуализм. *Сексуальная (контр)революция - это парасексуальная революция.*

В более конкретном рассмотрении содержания новой сексуальности мы позволим себе опереться на итоговую статью одного из видных ее российских идеологов и апологетов.¹ Она замечательна как образец обстоятельного и в то же время «ползучего», чисто эмпирического подхода к социально-антропологическим процессам. В ней представлен своего рода идеальный тип либерального сознания, озабоченного свободой индивидуума и совершенно не принимающего и не понимающего связи его судьбы с судьбой рода, перспективами человечества как целого. А те, кто эту связь видят, о ней задумываются и, не дай бог, не согласны с необходимостью "полной сексуальной реализации личности" предстают как те самые традиционалисты, фундаменталисты и консерваторы, т.е. противники всего нового и прогрессивного. Помеха цивилизации.

Итак, что мы имеем в активе: "Нормализация гомосексуальности - первый случай индивидуально-групповых ценностей, не укладывающихся в прокрустово ложе полового диморфизма, гендерной биполярности и репродуктивной модели сексуальности. Постепенно такого же признания добиваются и другие сексуальные меньшинства (транссексуалы, трансвеститы, садомазохисты и др.)...² Существенный сдвиг в сексуальных установках конца XX в. - нормализация аутоэротизма и мастурбации. Мастурбационная тревожность и чувство вины по этому поводу, отравлявшая жизнь бесчисленным поколениям мужчин и женщин, постепенно отходят в прошлое...Исключительно важной формой сексуального удовлетворения становится виртуальный секс, особенно для людей, которым по тем или иным причинам трудно реализовать свои эротические желания лицом к лицу... Меняются функции коммерческого секса (проституции). Чтобы понять это нужно изучать и типологизировать не только и не столько сексработниц и учреждения сексуального обслуживания, сколько их клиентов". Остаются, правда, некоторые недоразумения с педофилами, так как они "вызывают сильную эмоциональную реакцию со стороны общества, которую консервативные силы часто используют для разжигания истерии в средствах информации. В спорах на эти тем зачастую непонятно идет ли речь о защите детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых или их собственной пробуждающейся сексуальности"³.

Несмотря на подчеркнuto объективистский стиль, текст явно напрашивается на восклицательные знаки - ликования или негодования, которые читатель, в зависимости от убеждений и ориентаций, может поставить сам.

"Консервативные силы", отвергая плюралистический секс, обычно апеллируют к нравственности и Богу. Но для техногенного человека с его преимущественно сциентистско-атеистическим сознанием, это слова, к которым

¹ См.: Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубежеXXI века. // Вопросы философии. 2000. № 8.

² Там же, С. 35.

³ Там же, С. 36.

он относится безразлично или с пустым почтением. Ему нужны теоретические аргументы. Консерватизм не должен быть "тупым", опирающимся единственно на догмы практического разума. Теперь табу нуждаются в обосновании, по крайней мере в знании последствий их разрушения. То есть в "метафизике", в философско-культурологической интерпретации. Они должны развертываться в идеологию.

Почему надо осуждать проституцию, искренне недоумевают духовные рыночники: обыкновенная коммерческая сделка взрослых самостоятельных людей, для которой по гигиеническим соображениям надо бы предоставлять особые помещения, да и налоги собирать. Но в том-то и дело, что необыкновенная. Уже В.В. Розанов пытался объяснить таким людям "на их языке" (без морали), что на продажную любовь "нужно смотреть как на выделку "фальшивой монеты", подрывающей "кредит государства". Ибо она, все эти "лупанары" и переполняющие улицы ночью шляющиеся проститутки - "подрывают кредит семьи", "опровергают семью", делают "ненужным (осязательно и прямо) брак". Ну, а уж "брак" и "семья" не менее важны для нации, чем фиск и казна"¹. Бессмысленно одновременно ратовать за укрепление семьи, повышение рождаемости, воспевать высокие чувства и поощрять, пропагандировать "коммерческий секс". Плюрализмом здесь может обманываться тот, кто мыслит не дальше хода E2-E4. Аналогично с остальными пунктами сексуального прейскуранта. Второй ход мысли заставляет признать, что не дающая потомства любовь в пределах одного пола есть несомненное проявление кризиса человеческого рода, его распада, ибо если потреблять означает разделять и истреблять, то продолжение бытия любого феномена предполагает необходимость воспроизводства его единства и целостности. Третий ход мысли показывает, что мастурбация и виртуальный секс, замыкая индивида в его собственной скорлупе, служат разложению остальных живых связей между людьми, в том числе даже внутри одного пола. Считать это способом преодоления одиночества то же самое как верить, что принесенная алкоголику утренняя бутылка водки решает проблему его выздоровления. И т.д. и т.п.

Не надо быть большим философом для понимания, что это процессы потери людьми собственной идентичности, в конечном счете, этапы их самоотрицания. Достаточно быть просто самостоятельным, а не зашоренно мыслящим человеком. Что, впрочем, самое сложное.

Все неприятности традиционалистов и консерваторов проистекают из-за того, что они видят дальше своего носа и мыслят масштабами человечества, "в принципе", в то время как либералы и прогрессисты счастливо избавились от того и другого. Категорический императив Канта: "Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства" часто отождествляют с так называемым золотым правилом морали: "Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе". Между тем они различны до противоположности. Категорический императив предполагает оценку

¹ Розанов В.В. Опавшие листья.// Уединенное. 1990. С.342.

собственного поведения не в свете выгоды и эквивалентного обмена, а в свете судьбы целого, к которому ты принадлежишь. Это тотализм. Его логика: я отвечаю за всех. Такова логика традиционализма. В сексуальном плане она запрещает все, что не ведет и не служит, тем более вредит сохранению идентичности человека, его бытия. Когда же говорят: «да, я живу так, что если все остальные последуют за мной, то людской род прекратится, но я знаю, что они этого не сделают», то аборт, онанизм, гомосексуализм и т. п. могут практиковаться без всякого чувства вины. Это утилитаризм, ориентация на индивидуальную самореализацию. Его логика: "каждый отвечает за себя". Такова логика либерализма. Парасексуализм паразитирует на сексуальности традиционалистов или не всегда последователен (позволяет себе консервативные отступления). Консерваторы также могут быть непоследовательными, особенно в мыслях, но они хотя бы понимают значение своего поведения и чувствуют ответственность за него. Вопреки пропагандистской схеме они, а не защитники "свобод" воплощают общечеловеческие ценности. Очевидно, что с точки зрения перспектив человечества, парасексуализм не может претендовать на норму. Он всегда должен оставаться нарушением. Да и с точки зрения собственной судьбы: паразит, погубивший хозяина, погибает вслед за ним.

Критикуя эмпирическую сексологию за эгоизм и беззаботность в отношении антропосоциальных последствий сексуальной революции, мы должны признать, что И.С. Кон, наряду с безусловным одобрением ее достижений проявляет и некоторую обеспокоенность. На ясном небе парасексуализма есть два облака: 1) Огорчает как всегда Россия, где "идея систематического сексуального просвещения молодежи заблокирована совместными усилиями коммунистов, церковников и коррумпированных СМИ при активной финансовой поддержке американских фундаменталистов из так называемого движения Pro Life"¹. И почему-то: 2) "Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной и прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX в. стали скука и отсутствие сексуального желания - люди имеют все социальные и физиологические предпосылки для занятия сексом, но их просто не тянет к нему"².

В самом деле, почему? Тем более, что в подтверждение последнего, рокового для всех предыдущих рассуждений вывода, дается ссылка на результаты конкретных социологических исследований: по национальному опросу 1992 г. в Финляндии не испытывают сексуального желания до 20% мужчин и до 55% женщин. В Петербурге в 1996 г. отсутствие или редкость сексуального удовольствия признали 5% мужчин и 36% женщин (опять эта российская отсталость!). Больше того. Хотя наш автор работает на передовых рубежах сексологии, он упускает, что среди нового поколения его коллег и интеллектуально-культурной элиты мира распространяется идея отказа от секса

¹ Кон И. С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века. //Вопросы философии. 2000. №8. С. 41.

² Там же, С. 37.

вообще. "Если Ницше говорил, что Бог умер, то, наконец, можно сказать, что умер дедушка Фрейд. Сексуальные муки, так свойственные XX веку заканчиваются. Мы вступаем в постсексуальное время. Если раньше было: ресторан, дискотека, секс, то теперь: секс, дискотека, ресторан. Из фирменного блюда секс превращается в прелюдию. Когда говорят слово "наслаждение", это уже не так непосредственно связано с сексом. Нас ждут новые танцы и моды, соответствующие этой ментальности. А секс из доминирующего фактора, который определял наши сны и желания, станет просто одной из многих потребностей организма"¹.

Это не собственное открытие модного писателя. В западной постмодернистской литературе после объявления о конце всего, в том числе себя, более десяти лет говорят о "нулевом уровне сексуальности", "сексе без секреции и тела" и все громче звучит "реквием по сексуальности", что частично объяснимо пресыщенностью определенного слоя лиц, их суетным желанием эпатировать публику, но с другой стороны, именно к такому результату ведет практика парасексуализма. Вслед за смертью традиционного секса умирает и лишенный природного смысла интерес к другому человеку. В любых ситуациях. Двигаются рядом как размагнитившиеся куски железа. Это называется "бесконтактная цивилизация". Самым главным препятствием для любви является отсутствие препятствий, говорили когда-то французы. Свобода реализации всех половых желаний ведет к измельчению и опошлению чувств, к их инфляции. Дело дошло до "fast love" (быстрой любви) как "fast food" (быстрого питания), установки бракоразводных автоматов (в течение 10 мин) и "медицинского секса". Пропагандируются особые позы для лечения простатита, почек, желудка и других внутренних органов. С целью укрепления иммунитета рекомендуется, например, выделять "дни мастурбации" (больше его нечем укрепить). Куда смотрит Тот, Кто "есть Любовь": хотя бы их громом убило. Подавляемые культом эгоизма, оттесняемые на задний план денежно-карьерными целями, нагло эксплуатируемые рекламой, окруженные все более искусственным бытом, половые отношения теряют привлекательность, перестают быть ценностью. Психика притупляется и "организм не требует". Наступает своего рода сексуальная энтропия, запрос на компенсацию которой принимают незаконные и узаконенные биопсихостимуляторы. (Позывные техногенного потребительского общества: Виagra, виagra... я импаза. Как слышите? Прием). *Nowbody wanted to fuck.*

Любовь как духовное состояние в подобной среде становится анахронизмом. Вспоминать о ней почти неприлично. Ее обесценивание было критерияльным признаком победы постмодернизма, точнее, посткультуры. "Постмодернизм, - писал один из его первых переносчиков на российскую почву, - это ирония искушенного человека, который понимает, что секс важнее сублимации"². Как видим, автор удачно избежал парадокса лжеца, не произнеся отрицаемого слова. Сейчас, лишив всякого содержания, его

¹ Ерофеев Вик. Фрейд и валюта. // Ex libris НГ. 2000. № 37.

² Парамонов Б. Конец стиля. М-СПб. 1997. С. 19.

беспощадно треплет маскультура, а в элитарных слоях оно жестко табуировано. Как сами любовные переживания. "Заниматься любовью" иногда все-таки нужно, полезно, но влюбиться - значит попасть в "эмоциональное рабство", что уже глупо. Вот отношение к еще недавно высшей ценности духа. В тысячелетней исторической культуре - немыслимое. Если в начале XX века кризис любви усматривали в ее сведении к сексуальности и эротизму, то особенность начала XXI века в том, что сводить становится больше не к чему. Нечего сублимировать - таков итог парасексуальной революции, среди тех, кто ею захвачен, на территориях, по которым она прокатилась.

Гендер как социальный конструкт одномерного человека

Эрозия фундамента жизни, ведущая к возникновению мира без любви и страстей, без святых и героев, мира озабоченных автоматов или самодовольных потребителей, не результат чьей-то злой воли, а следствие нарастания абиотических тенденций в развитии цивилизации, подавления природы культурой и техникой. Природы внешней, что выражается в экологическом кризисе, и внутренней, человеческой телесности, что ведет к кризису антропологическому. Сначала культурой как совокупностью норм и целей, которая форм/ир/овала естество, организуя и сублимируя его, а потом культурой как технологией, которая его деформ/ир/ует, загоняет "в подполье", превращая в материал для искусственного. Отказавшись от слова любовь, постмодернистский дискурс избегает и слова природа, используя вместо него эвфемизмы и отрицательные определения, например, "unmade" (готовое, не сделанное). Наконец, очередь "лишения имен" дошла до пола. В литературе по социальной проблематике его вытесняет "гендер". (В последней переписи населения наглядно обнаружилось отставание практики от теории: спрашивали пол, вместо того, чтобы интересоваться сексуальными ориентациями или гендером; извольте ждать теперь следующей переписи).

Это не просто замена термина. Возникло новое понятие, хотя не очень понятное, потому что претендуя на теоретический статус, оно скорее выражает "настроение", духовную потребность части человеческого сообщества, прежде всего женской, избавиться от социальных последствий принадлежности к своему полу. А он с трудом отпускает. Отсюда противоречивость, двусмысленность данного понятия. Сопротивляются факты, история, методология. Как радикальный выход в феминизме было провозглашено право на "женскую науку", на гендерный подход ко всему. Дело дошло до предложений выделять как отрасль «феминистскую квантовую физику». Это значит, открывается возможность писать, что хочется, на полупустом месте проводить «гендерные исследования» и защищать по ним диссертации, главное, а иногда единственное назначение которых - изживать комплексы. Напускное серьезное отношение к ним в обществе дискредитирует всю науку как таковую, однако, оно разрешается идеологией постмодернизма, перекалывающей теоретическую деятельность в литературу, то есть придающей ей статус самовыражения. Думается, что рассмотрение гендера в

контексте кризиса сексуальности, не отрицая психологической обусловленности подобного мировоззрения, позволяет более глубоко понять его объективный смысл.

В гендере связанные с полом особенности поведения и сознания людей перестают объясняться их анатомо-физиологическими характеристиками. Они считаются социально-культурными. Получается, что можно быть женщиной по полу, но мужчиной по гендеру и наоборот. Гендер как бы сканирует ценностные аспекты полов: "мужское" и "женское", структурируя социум через отнесенность его членов к идеальному типу того или иного пола, а не по эмпирической телесности. Движущей силой гендерного структурирования стало движение женщин за равные права с мужчинами, а когда они были достигнуты, за равенство фактического положения, "одинаковость" с ними во всех сферах жизни. Его (ее) до сих пор нет, что объясняется сохранением господствующих в обществе "стереотипов". Стереотип - универсальное слово, *causa sui* (причина самого себя), своеобразная порождающая субстанция, определяющая социальные роли и смысл гендера. "Мужская цивилизация", тысячи лет патриархата, семья - самые упорные стереотипы человеческой истории, не позволившие женщинам проявить себя в том же качестве, что и мужчинам. До сих пор главные сферы деятельности: управление, финансы, высокие технологии, фундаментальная наука заняты преимущественно мужчинами. Они политики, банкиры, изобретатели, хирурги, летчики, хакеры и т.д. Откуда возобладали и почему продолжают господствовать эти стереотипы, остается загадкой.

Традиционный, "догендерный" ответ на нее состоит в том, что характер любой деятельности связан со средствами и материалом, применительно к людям с заложенными в них наклонностями и способностями, с "генами" - возможностями, которые культура эксплуатирует, развивает и оформляет. Отсюда следует, что будучи разными по анатомической конституции мужчина и женщина занимают разное положение в силу особенностей своей природы, физической силы, типа реакции, темперамента и интеллекта. Оно будет сохраняться, пока эти особенности существуют, пока есть половой диморфизм и реальная, не виртуальная история. Культурные стереотипы не случайны, они коренятся в биосоциальной сущности человека. Но в таком случае бороться за всеобщее равенство "когда мужчины и женщины примерно в одном количестве будут выполнять одинаковую работу и занимать равные должности" - значит вступить в противоречие с естественными различиями людей, с их неравенством. Это трудно, как корчевать дерево. Его легче пилить, особенно если ближе к вершине.

Гендерная идеология опирается на утверждение, что никакой природы у человека нет. Тело и его органы не имеют функционального значения. Его сущность чисто социальна, исторична и, в конечном счете, может конструироваться. При этом нередко апеллируют к марксистскому тезису о человеке как "ансамбле отношений". В советской философии подобная трактовка человеческой сущности длилась целую эпоху, обслуживая задачу "создания нового человека", путем целенаправленного воспитания. "У нас в

Советском Союзе люди не рождаются. Они делаются", - говорил Т. Д. Лысенко. Опираясь на представление о возможности преобразования природы не только мертвой, но и живой, так как никакой неизменной наследственности у растительных и животных видов нет, лысенкоизм считал, что в соответствии с потребностями общества можно перевоспитывать и людей. Преодоление социологического редуccionизма потребовало огромных усилий, обращения за помощью к естествознанию, биологии и генетике. Положение, что человек существо биосоциальное стало у нас общепризнанным не так уж давно, после чего все начали удивляться, как можно было поддаться идеологическому наваждению отрицания очевидного. Уроки и память о перипетиях становления советской философской антропологии являются, по-видимому, одной из причин "отставания" гендерных исследований в нашей стране. Принять лозунг "Женщиной не рождаются. Женщиной становятся" (Симона де Бовуар) значило вновь возвратиться к тому, от чего только что освободились. Распространению гендерного подхода препятствует все еще не до конца разрушенная довольно высокая методологическая культура классического философствования, не позволяющая принимать за действительное объяснение социальных процессов ссылку на роли и стереотипы.

Но "желание - отец мысли". В настоящее время обе трактовки половой структуры общества: "естественная" и "гендерная" существуют параллельно. Первая представляет отношения, связанные с продолжением жизни людей, она опирается на здравый смысл и пока еще преваляющую практику, вторая является выражением тенденции постмодернизма и парасексуализма, которые стимулируются нарастанием искусственности и самоотрицания человеческого бытия. Ее нельзя объяснить внешним навязыванием, считая неким "теоретическим гербалайфом". Различие социальных ролей мужчин и женщин длится эпохи, равно всей археологической и писаной истории, но именно в XX веке оно стало казаться, прежде всего женщинам, ненормальным - изначально абсолютной ошибкой. Потому что в техногенном мире создание существ резко обесценилось в сравнении с созданием вещей и веществ. Значение рождения, воспитания, обеспечения быта этих многочисленных в каждой семье работников, воинов, детей и стариков, да и все, что связано с природой, телесностью, душой человека уменьшается, предстает чем-то второстепенным. Жизнь трансформируется в жизнедеятельность, а потом просто в деятельность. Овнешняется. Функционализируется. Раньше в центре сознания был Дом, общее бытие семьи, откуда уходили на время, чтобы его защищать или в него что-то принести, добыть. Теперь дом нужен для подготовки к работе и отдыха. Это "тыл" человека, его быт, остановка для ремонта. А многие обходятся без тыла, не укореняясь нигде. Городские кочевники, номады, карьерно - психологические бомжи. Их родина и семья - чековая книжка.

Оглянувшись с новых, так резко изменившихся позиций, женщины оскорблены "малозначительностью" ролей, которые сыграли в истории. Отсюда попытки ее пересмотра, переписывания, вплоть до "политкорректной" фальсификации Библии. С другой стороны, продолжая исполнять прежние роли, они не могут самореализоваться в современных условиях. Семей больших нет,

необходимость в труде по воспитанию детей и дому резко сократилась. Складывается амбивалентная ситуация: пол хочется сохранить женский, даже, компенсируя прежнее, видящееся в новом свете как вопиющая несправедливость, положение, возвысить его, а роли исполнять ценностно-мужские. По полу считается женщиной, по гендеру стать мужчиной, "не хуже его" - руководителем, футболистом, математиком, капиталистом. Язык теряет слова женского рода, образующие его суффиксы и частицы выходят из употребления: работница становится работником, продавцом, учителем, студентка студентом, феминистки хотят, чтобы их называли феминистами. Даже неустрашимые природные различия полов воспринимаются болезненно, как результат социально-культурной дискриминации, "сексизма", чуть ли не заговора. "Окружающая социальная реальность конструирует гендерное неравенство во всех, казалось бы мелочах жизни. Э. Гофман провел исследование фотографий, он рассматривал физические размеры запечатленных на них мужчин и женщин, отражения их позиций в ситуации, окружающую обстановку. И на всех фотографиях почти каждая пара демонстрирует разницу в росте именно в пользу мужчин. Женщин всегда изображают в более низких позициях, либо стоящих сзади мужчин. В социальных отношениях между полами биологический диморфизм уже предусматривает возможность изображения привычного превосходства мужчин над женщинами в статусе с помощью многозначительной разницы в комплекции и росте..."¹.

Рост и многозначительные детали комплекции, помимо языка могут компенсироваться однополрой одеждой - "unisex", лозунгами и рекламой, которые формировали бы "sexсознание наоборот", но это не решает задачу гендерной унификации на всю глубину. Свою часть пути должны пройти мужчины. С неохотой, со скрипом, но они тоже расстанутся с половой акцентуацией. Конечно, не столько "из вежливости" или под влиянием патогенных массмедиа, сколько потому, что как когда-то женские, так теперь мужские качества для успешного функционирования общественного производства перестают иметь принципиальное значение. Ибо в общественном производстве и отношениях телесность и субъектность индивида уходят вплоть до его "смерти" – вопрос, обсуждаемый в постмодернизме как основной. Человек превращается в человеческий фактор. Различия людей в силе и росте перед лицом башенного крана, в ширине шага перед автомобилем, расчете на 2 хода дальше в сравнении с компьютером теряют значение. Техника - вот великий уравниватель всех природных неравенств. Если традиционная культура подчеркивала, закрепляла и использовала половой диморфизм, то становясь технологией, она его размывает, обесценивает. Движение человечества по пути стандартизации требует выравнивания, "обрезания лишнего" прежде всего у его мужской части. У женщин еще есть надэмпирическая цель для усилий - догнать, наконец-то, мужчину. Перед женщиной ее нет: зачем бежать, если ни за

¹ Чернова И.И. Гендерные отношения в социальной стратификации современного общества: состояние, перспективы развития. Н. Новгород, 2001. С.113. По авторской установке книга "не феминистская", этот абсурдистский пассаж связан с ее эклектичностью.

чем не угнаться. Эта тупиковая для человека как родового существа ситуация проникает в его подсознание. Нет целей, нет и мотивации, которая составляет половину способностей. Антропологический кризис, "разброд и шатания" по закону полового отбора переживают прежде всего мужчины, по крайней мере те, кто не поменял "гендер" или не переселился в иной, виртуальный мир. Вследствие распада «природы вещей» и становления общества спектакля (Ги Дебор), когда на первый план выходят экраны и поверхности, как последние косые лучи заходящего солнца жизни, актуализируются женские социальные и парасексуальные характеристики современного человеческого существования. Они легче вписываются в формальные регламентации и всё более детальные, отрицающие «естественную самость» человека стандарты деятельности. На смену интересу к высоким целям и метафизическим утопиям пришла идеология приспособления к высоким саморазвивающимся технологиям. Человеческому фактору в них половое измерение мешает, как мешают национальные, возрастные, семейные да и другие профессионально не нормализованные личностные особенности.

Ослабление телесно-духовных различий между полами, дошедшее до конструирования социальной парасексуальности является фундаментальным признаком становления "одномерного человека". Об этой угрозе впервые заговорил идеолог сексуальной революции и кумир молодежи 60-х годов Г. Маркузе. Он и его последователи полагали, что одномерное общество сексуальной революцией может быть "взорвано", разомкнуто. Ирония истории привела к обратному результату. Без изменения структуры социальных отношений и при усилении их технологизации одномерность проникла в последние интимные пласты человеческого бытия. Если перестают иметь значение различия по полу, то какие свойства личности еще значимы? Все становятся одинаковыми и взаимозаменяемыми как гвозди в ящике. Отрыв сознания от телесности, а затем и утрата сексуальной идентичности - это настоящее торжество One-Dimensional Man. Его завершением будет появление "человека без свойств", функциональная модель которого проигрывается в Сети, где от личности остается "разговор", чье авторство с трудом обнаруживается в стилистике получаемых и отправляемых текстов. Захотев узнать о субъекте разговора что-то больше, надо предпринимать специальные усилия, выходящие за рамки виртуальной реальности. Отпадает не только пол, но и ценностно сконструированный гендер. "Борьба за штаны" заканчивается тем, что неизвестно на кого их одевать. От так удручающего феминисток проявлявшегося в течение всей истории человечества господства мужчин (по числу гениев и идиотов, святых и преступников, самозабвенных любовников и бесчувственных чурбанов - у них больше амплитуда колебаний) остается лишь характерный для программистов и хакеров более высокий IQ. По другим телесно-духовным параметрам они заметно уступают обычным людям. В предметном мире до такого лишения человека его свойств дело пока не дошло. Но из-за нежелания смотреть правде в глаза может дойти быстрее, чем заложено в самих объективных процессах. Или медленнее, если мы будем давать им адекватную оценку.

Биотехническое конструирование постчеловека

В традиционных обществах история сексуальности состояла в изменении отношений между полами, форм их разделения и соединения. Разные культуры по-разному определяли, когда, как и с кем нужно вступать в сексуальные связи, но само зачатие и рождение потомства оставалось естественным. Искусственное вмешательство в основном выражалось в том, чтобы "принять роды". В техническом мире появилась возможность влиять на субстрат сексуальности, ее анатомию. "Тело не судьба" - вот девиз, свидетельствующий о принципиально новом уровне достигнутой людьми свободы. Если не судьба тело, то не судьба и пол. Адам может стать Евой, Ева превратиться в Адама. С божественным творением творят что угодно. Смена пола есть как бы предметная реализация гендерных теорий, их технологическое обеспечение. Об этом можно сказать и наоборот: биотехнические возможности смены пола стимулируют гендерную идеологию. Вкупе с более ранней практикой предотвращения зачатия, а если оно не удалось, уничтожения ребенка, "внешним" осеменением, доразвиванием недоношенного плода, выращиванием его *in vitro* (в пробирке), пренатальным определением пола и т.п. - все это означает, что человек взял, наконец, половые органы в свои руки. Он больше не намерен мириться с их естественным функционированием. Размножение должно быть подвластно сознанию и регулироваться: от технологии первой любви (сексуальное воспитание) до технологий получения конечного результата.

И все-таки это не полная технологизация жизненного цикла рождения человека. Действительная перспектива преодоления его анатомо-физиологической природы открывается при отказе от сексуальности как таковой. При переходе на другой способ продолжения себя. Достижения биотехнологии привели к тому, что размножение может осуществляться бесполо, путем клонирования. Этот способ типичен для низших форм жизни, прежде всего растений - вегетативно, побегами, черенками, когда наследственные свойства не распределяются по потомкам, в неизменном виде передаются их следующему поколению. Биотехнологи овладевают таким механизмом применительно к животным, в том числе млекопитающим, к которым принадлежит человек. Эксперименты по выращиванию отдельных органов, "стволовых клеток" ведутся открыто, в отношении целостного человека полуоткрыто, учитывая, что в большинстве стран приняты приостанавливающие их законы. Общественное мнение расколото на сторонников и противников бесполо(ово)го размножения, но уровень понимания и обсуждения этих проблем ниже всякой критики. (Еще недавно были противники клонирования любых живых существ, потом они сдались и противились клонированию млекопитающих, сейчас они сдались и защищают последний бастион - человека).

Доводов в пользу замены сексуальности клонированием, если не хотеть замены самого *Homo sapiens* чем-то другим, фактически нет. Разумеется, кроме "необходимости дальнейшего развития биотехнологии". На вопрос, обязательно

ли человеку развивать то, что его "снимает", ответа не дается. Уверяют¹, что это принесет некие блага, позволит, например, "сохранить наследственность выдающихся людей" (идеал евгеники) или "поможет бесплодным парам". Потом, правда, признается, что из-за изменения среды бытования клон все равно не будет воспроизведением "родителя". Взятый от гения он вполне может вырасти наркоманом или бандитом. То есть возникнет новое существо, только полученное на биотехническом предприятии. Так что страхи по поводу тиражирования стандартных индивидов (единственная проблема, которую обычно видят в клонировании журналисты и обыватели) преувеличены, хотя генетическое разнообразие человечества действительно сужается. Его, однако, можно искусственно культивировать с помощью той же биотехнологии. И... теряются всякие представления об идентичности человека. Это манипулирование без границ. Что касается "помощи семьям", то клон нельзя считать чьим-то ребенком, который по определению есть следствие (р-ребенок) половых отношений. Это скорее однояйцевый близнец одного из супругов, совершенно чужой другому. Да и зачем клонированным существам - в следующем поколении - создавать семьи и быть супругами?

Умеренные техницисты готовы признать, что наука не должна быть неприкасаемым идолом, которому надо приносить любые жертвы. С людьми следует поступать осторожнее, так как "методически или технически клонирование взрослых млекопитающих разработано еще недостаточно, чтобы можно было уже сейчас ставить вопрос о клонировании человека. Для этого необходимо расширить круг исследований..."². Как видим, в необходимости (закономерности!) работ по бесполому размножению людей сомнений нет, предполагается основательность подготовки. Признается наличие внеучных препятствий, с которыми следует считаться: "этические проблемы", "нет соответствующей правовой базы", "возражают религии". В заключение осторожные сторонники клонирования обычно высказывают умиротворяющие всех, даже противников утешения и обещания: давайте успокоимся, мораторий соблюдается, эксперименты не затрагивают целостного человека, а "если начнем", то нескоро, с учетом нравственных соображений, не массово и т.п.

Поражает, с какой легкостью люди, считающие себя способными к ответственному мышлению, политики, интеллектуалы, так называемая элита соглашаются с аргументами в духе "еще не", "только попробуем" или перекалывают проблему клонирования на плечи приверженцев религии и специалистов по этике. Как будто она не касается каждого. Как будто надо иметь семь пядей во лбу для понимания, что в любом деле важен принцип, роковая черта, начало. Когда их преступают, и "процесс пошел", все остальное дело времени, о чем мы уже вели речь при оценке последствий введения в норму парасексуализма. Относительно клонирования это нагляднее и к категорическому императиву Канта можно не прибегать. Достаточно

¹См.: Декларация в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований // Человек. 1998. № 3.

² Конохов Б.В. Доли - случайность или закономерность. // Человек. 1998. № 3. С. 18.

вспомнить, что вора судят не за кражу, а за воровство. Не за ее факт - укравший может тут же возместить ущерб, а за подрыв основ социальности. Его наказывают за то, что он нарушил принцип: не укради. С точки зрения сохранения антропологической идентичности людей в случае с клонированием спорить собственно не о чем: бесполое размножение означает отмену самого принципа жизни, разрушение ее фундамента, "лишение кредита" специфического для человека способа его существования, после чего с неизбежностью обрушиваются любые отношения близости и наступает буквальная атомизация общества. Утрата источника взаимного влечения означает подрыв эмоциональной сферы личности, на чем держится ее нравственная и эстетическая жизнь, не говоря о любви, что в свою очередь приведет к выхолащиванию творческих начал мышления. Это вызов сущности человека, тоже, что стрелять по ногам, их верхней части и собираться идти жить дальше. Не выйдет. Работы по клонированию должно быть запрещено как ядерное, химическое и биологическое оружие. Как смертельная угроза людям, при том не отдельным индивидам, хотя в массе, а всему их роду на Земле.

И все-таки клонирование, создание биологических монстров не последнее достижение человека на пути отрицания своей телесной природы. Это только биороботизация, субстратно закрепляющая распространение функционально одномерных людей, опредмечивание положения, когда парасексуальная практика теряет связь с собственной исходной базой. Паразит теперь может жить без хозяина. Но, естественно, недолго. На смену социогендерным конструктам отказа от сексуальности и биотехническому конструированию способов бесполого размножения, разрабатываются способы отказа от размножения человека вообще. Другими словами, от биологического человека как такового. От жизни как носителя разума и переходу к постчеловеческим формам его функционирования. К разуму без жизни и смерти, на полностью искусственной, "изобретенной" основе в виде систем с искусственным интеллектом.

Гениальным провозвестником нового направления развития человечества был Н. Федоров. Он сознательно и без маскировки объявил природу "нашим общим врагом". Пропагандисты его идей обычно делают акцент на том, что у него отвергается смерть. Он всех воскрешает. Однако жизнь и смерть две стороны одной медали и обе укоренены в сексуальности. Половое размножение, признавал Н.Федоров, это гигантская сила, на которой стоит вся природа: возможно это и есть "сердцевина ее". Половой раскол, половое соперничество, смена поколений служили самым действенным средством развития человеческого рода. Но "должно наступить время, когда сознание и действие заменят рождение"¹. На место стыда и похоти к другому полу придет деятельность по "воскрешению отцов" - воссозданию умерших. Поскольку все живущие в конце концов умрут, а новые не рождаются, то возникает странный мир: ожившие мертвые, которые будут существовать вечно. Рай?

¹ Федоров Н. Ф. Соч., М., 1982. С. 396.

По-видимому, во избежание того, чтобы воссозданные существа не мучились половыми проблемами, Н.Федоров нигде не пишет о воскрешении женщин. Субъективно, это конечно "сексизм" в его предельном выражении. Но если посмотреть на подобные гипотезы с высоты нынешнего состояния техники, то видно, что дело не в "отцах", религиозном воскресении или плохом отношении к женщинам. Новые существа вообще не будут живыми, хотя будут разумными. Предполагается, что они перейдут на автотрофное питание, то есть на потребление неорганической энергии - солнца, химических реакций, электричества. Следовательно, у них нет системы пищеварения, не нужен рот, живот. А поскольку они не рожают, у них нет и органов размножения. Напрягать воображение, каким тогда будет облик человека не стоит. Его не будет вовсе. Это ликвидация тела и функциональная трактовка жизни, а фактически разума на новой, не биологической субстратной основе: "кремний против водно-углеродного шовинизма". В эпоху, когда компьютерные роботы с AI стали реальностью и стремительно совершенствуются, можно смело утверждать, что Великий Технократ предвосхитил их возникновение. Он первый, по крайней мере в русской культуре, трансгуманист, "проектировщик" и идеолог Постчеловека как искусственного субъекта. И отныне, со вступлением человечества в техно-информационную стадию развития, судьба пола и любви зависит от возможностей взаимодействия живых естественных людей и биосферы как среды их обитания, с искусственным разумом и ноосферой как средой его функционирования¹.

* * *

Sos... sos... sos... - Спасите наши души, спасите наш пол, спасите самих себя – так теперь можно перевести этот сигнал бедствия. Когда его подадут, значит, надеются на помощь извне. На кого надеяться человечеству? Только на себя. Или, кто верит, на Бога. В любом случае спасение приходит к тем, кто борется до конца. Даже в случае обращения к высшей силе: на Бога надейся, а сам не плошай.

Главным духовным препятствием в борьбе за жизнь и любовь является фатализм. Им особенно пропитана, как ни парадоксально, либерально-прогрессистская идеология: "Прогресс не остановишь", "Иного не дано", "Техника наша судьба" и опирается на линейные представления об истории Вселенной. У плюралистов! В то время как эволюция биоты показывает, что появление на Земле более поздних, по одним параметрам выших, по другим низших форм жизни не обязательно отменяет ранние. Возникшие миллионы лет назад виды живут рядом с нами, намного более молодыми. Нашли нишу своего обитания и процветают. Другие не нашли. И погибли. Современное синергетическое мировоззрение, носителями которого обычно объявляют себя прогрессисты, нелинейно и предполагает наличие точек бифуркации, когда развитие меняет вектор, может пойти в новом направлении. Значит будущее, в определенных границах - открыто. Субъективно это осознается как свобода.

¹ Подробнее об этом см.: Естественное и искусственное: борьба миров. Н.Новгород, 1994; Культура и технология: борьба миров. М., 2001.

В техногенном обществе принцип свободы приходится брать на вооружение экологов, гуманистам и антиглобалистам. Они верят, что в коэволюции с искусственным человеком способен, удерживая свою биологическую нишу, сохранить идентичность. Для этого надо выбирать и реализовывать такие стратегии поведения, которые бы ее поддерживали, а не разрушали. Значит, к стихийному развитию искусственного надо относиться аналогично как к процессам природы. Пытаться познавать и овладевать им. Технонаука стала производительной силой и социальным институтом. Значит, она должна регулироваться подобно всем остальным сферам социальных отношений. Моралью, идеологией, законами. Это задача, которую осознают консерваторы, стремясь привлечь к ней внимание остальной части человеческого общества.

Главной опасностью, исходящей от прогрессизма, стала установка: "все, что технически возможно, следует осуществлять". Это как бы само собой разумеется. Хотя даже ученые понимают, что все возможное не осуществляется. Гипотез, проектов, изобретений огромное количество. Но их отбор происходит тоже стихийно, по финансовым и другим случайным соображениям. В то время как нужно отбирать, соотнося с целями и благом человечества. Прежде всего с фундаментальным для него благом - быть. Сохраниться как высшая одухотворенная форма жизни. Если, конечно, хотеть сохраняться, а не превращаться в Иное.

Перед наукой и техникой надо ставить социально-гуманитарные фильтры, которые бы соотносили все их достижения с мерой человека. Не его приспособлять к технике, а технику к человеку, беря во внимание не сиюминутные потребности в комфорте или исполнении капризов, а долговременные интересы. Когда-то иначе не могли и думать. Сейчас такой подход надо отстаивать, идя против течения. В ситуации выживания это естественно: по течению плывет уже дохлая рыба. Мораторий в технонауке, подобно мораторию на клонирование, должен быть не исключительным, а рутинным явлением для тех или иных направлений деятельности. Как и категорические запреты в зависимости от стадии исследований. Они могут предлагаться и обсуждаться общественностью, приниматься властными структурами регулярно, по крайней мере не реже, чем например, присуждаться государственные или Нобелевские премии. Предусматриваемая международным законодательством ответственность за угрожающее человечеству наукотворчество должна подкрепляться социально-психологически, созданием атмосферы требовательного здравого смысла и критического восприятия стихийной экспансии технологизма. Особенно в отношении таких сущностных сфер жизни как пол и любовь, ибо за сумерками любви следует закат человека. Ничего не любить и быть ничем, - говорил Л. Фейербах, - это одно и то же.

Тому, кто уже захвачен верой в свободу техники, а не человека, в неизбежность его подчинения отчужденным от него силам, полезно отразить свое личное поведение. В отношении собственной индивидуальной судьбы люди абсолютные фундаменталисты. Реакционеры (кто не самоубийцы). Каждый знает, к чему все идет, но сознательно туда не

стремится. Живет вопреки тому, о чем говорит опыт и рассудок, поступая как крайне иррациональное существо. Заботится о здоровье, стариках и детях, до последнего момента сажает деревья, строит дома и планы. Кто делает это хорошо, получает отсрочку. Потому что жизнь выше логического. Она первична и не обязана оправдываться перед своим следствием. Жизнь хочет продолжения по самой своей сути. Любовь к жизни выше поисков ее смысла и является условием его наличия. Таким же образом стоит относиться к судьбе родового человека, исходя прежде всего из жизни и только потом - мысли. Здесь отсрочка, наше "раньше" или "позже", может равняться сотням лет. Но для поддержания этой способности все равно надо сохранять любовь. *Нужна экология пола.* Которая должна стать составной частью экологии человека, противостоящей попыткам его «переделки», конструирования и переконструирования, ибо фактически это означало бы его смерть и возникновение чего-то Иного.

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) Любовь как феномен жизни
- 2) Любовь как феномен культуры
- 3) В чем действительный смысл «сексуальной революции», происшедшей на Западе во второй половине XX века? Каков ее результат?
- 4) Пол и гендер – в чем различие? Каков ваш «гендер»?
- 5) Эволюционный смысл возможного клонирования человека?
- 6) Итог и идеал применения биотехнологии к человеку.

Тема 6. Конструирование постчеловека

Концептуальный персонаж в персональном компьютере

Низвержение человека с пьедестала подобия Бога, венца природы и личности, его низведение до телесности, а потом тела без органов, пола и пространства с одной стороны, и до субъектности, а потом сингулярности и складки с другой, является содержательным исполнением приговора к смерти, который ему частично составил, а в основном зачитывает постмодернизм. Эти процессы инспирируются самой реальностью, ситуацией человека в ней. Но поскольку он, как мы уже удивлялись, продолжает жить, то возникают разнонаправленные желания: довести дело «до конца», найдя ему замену и называя ее кто «воскрешением», кто «позитивной смертью» или попытаться реформировать философскую антропологию с учетом вновь открывшихся обстоятельств. Появились авторы, которые хотят *спасти человека*. Для этого надо поставить историческую метафизику на более адекватные современности основания. Если деконструктивизм, в сущности, конструирует антиантропологию, то в противовес ему надо развивать другую антропологию. Самую значимую ее версию, по нашему представлению, предложил С.С. Хоружий¹.

Современная цивилизация, считает он, испытывает неотвратимое влечение к Антропологической Границе и заморожена ею как кролик удавом. Отсюда проистекают опасные проблемы и угрозы человеку, которые невозможно предотвратить, центрируясь на субъекте, как это происходит в рамках субстанциально-эссенциалистской метафизической антропологии. Потому что субъект действительно умирает: «этот род антропологизма потерпел крах»². Вместо него остается «субъектная перспектива», которую надо, тематизируя, попытаться реализовать. Положение «Я есть субъектность, а не субъект» позволяет говорить об определенном консенсусе в отношении нынешнего антропологического кризиса. Важно найти корни, начала субъектности. Они не тождественны «Я», но тем или иным образом заключают его в себе – как направление деятельности и энергию, как сферу, в которой развертывается или умалется наша идентичность. Такую возможность, будучи особой формой бытия, открывает Духовная практика. Она обладает синергичной природой приобщения к внеположенному повседневному источнику – Телосу. Опора на Духовную практику позволяет говорить о новой, сохраняющей субъектность «энергичной антропологической парадигме» как перспективе человечества на III тысячелетие.

Кроме принятия или непринятия энергично-субъектной парадигмы, принципиальное значение имеет ее интерпретация. Например, в ареале

¹ Хоружий С.С. Заметки к энергичной антропологии. «Духовная практика» и «отвержение чувств»: два концепта в сравнительной перспективе. // Вопросы философии. 1999, № 3; Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. // Философские науки. М., 2003. Вып. 8.

² Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия. // Философские науки. М., 2003. Вып. 8. С. 134.

энергичной по своей природе виртуальной реальности, человеческая субъектность остается недооформленной, «недородом», не говоря уже о самоидентификации. В стратегиях Бессознательного человек может обладать идентичностью, но она без топологического единства и цельности. Следовательно, ядром энергичной антропологии должна быть непосредственно персональная, личная Духовная практика, хотя и здесь есть одно «но». Как известно ее наиболее распространенными формами являются: христианский православный исихазм, когда в качестве телоса выступает «обожение» как соединение человеческой энергии с благодатью и древнейшие восточные практики погружения человека в нирвану, превращающие его сознание в поток дхарм. Возникающую альтернативу этих двух подходов, автор решает в пользу возведения субъектности в личность во все полноте ее идентичности.

Высоко оценивая этот замысел реформирования философской антропологии, решимся на его критическое обсуждение. Чтобы тематизировать влечение современного человека «к Границе» (а нам кажется возможным сказать решительнее: «к Иному», к самоотрицанию) предлагается поменять исходные категории традиционного метафизического мышления: перейти «от бытия к становлению» (от материи к энергии, от вещей к свойствам, от субъекта к субъектности). И так, чтобы это было «становление вверх», «возведение себя к Личности» – синергия с Богом. Неудача «самостояния» толкает к тому, чтобы искать внешние благодатные опоры. Ради спасения человеку надо стать Богочеловеком. Препятствием подобному направлению энергии видятся «разравнивание себя», восточные духовные практики и задержка с выбором у постмодернистского сознания, находящегося в «перманентной онтологической бифуркации». Думается, что это сильное облегчение и упрощение проблемы. Восточные духовные практики в моде, но они маргинальны, а постмодернизм вовсе не стоит на распутии. Переориентировавшись с бытия на становление, на энергию и субъектность, то есть на самом деле, как мы видели при анализе реконструкции субъекта, не отвергая, а используя энергичную парадигму, он, отталкиваясь от нее, пошел дальше: от становления к потенциализму и ничто (от свойств к отношениям, от субъектности к сингулярности). Становленческий принцип не уводит нас от иного, а приближает к нему. Иерархия китов, на которых мир держался в индустриальную эпоху – материя, энергия, информация, разворачивается в направлении нового субстанциализма и монизма – информационного. На третье тысячелетие явственно намечается не энергичная, а «информационная парадигма», которая, по оценке самого С.С. Хоружего, является антиантропологией. Но «анти» – это отрицательная характеристика. Постмодернизм на ней не останавливается и ведя речь о постчеловеке, предлагает развивать «постантропологию»¹. Ее исходная категория – хаос (ничто, вакуум, виртуальность), вместо принципа тождества принцип различия и повторения, вместо вещей и свойств «граммы» или, на

¹ Объективности ради, надо сознаться, что понятие постчеловека мы вводили довольно давно, хотя, конечно, как предупреждение и предмет критики. См.: Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. // Природа, 1989. №5; Алгебра, убивающая гармонию. // Человек. 1991. №3.

техническом языке, «биты». Вместо онтологии грамматология, т. е. вместо бытия, которое всегда определяло сознание, «битие», которое заменяет его программой, вплоть до «снятия», до ~~сознания~~, вследствие чего мы все меньше отдаем в этом отчета.

Однако вернемся от общей картины мира к человеку, теперь, вернее, к постчеловеку. Насколько человек не равен субъекту, «теоретическому человеку», настолько и постчеловек не равен сингулярности или складке. Он в них «не вмещается». Как живое сознание не сводимо к конфигурации мозговых нейронов и не объясняется физикалистски, так информатизм не объясняет функционирование складки и сингулярностей при их восприятии человеком. Складка должна интерпретироваться и иметь значение, поскольку информационная реальность соотносится с реальностью тел и вещей. Сингулярность есть некое единичное образование, но она не остается точкой без содержания и смысла. Выводимые на экран живого сознания информационные процессы поневоле приобретают понятийные формы. Даже у математиков и программистов. Доведя дело «до точки», до бессмысленного абстрактного количества, приходится возвращаться к его какому-то качественному, семантическому или даже образно-чувственному наполнению. Это называется симуляцией бытия и воскрешением субъекта – на стадии afterpostmodernism-a. Когда речь идет о восприятии информации применительно к предметной реальности – это симулякры. Когда вещи и явления симулируются (воскрешаются) в контексте самой информационной реальности – это «тела мысли», концепты. Вся так называемая квантово-механическая онтология является, по-видимому, реальностью симулякров. Если симуля(криза)цией человека в предметном мире можно считать его превращение в «человеческий фактор», и в «гомутера» (гомо+компьютер), то концепт(уализация) человека в информационном мире конкретизируется через понятие: «персонаж». В целом это пост, точнее, after-транс-модернистские вариации на тему постчеловека, его замены на «иное» и превращения философской антропологии в «постчеловеческую персонологию».

Разумеется, такой последовательности, какую мы приписываем рождающему трансгуманизму постмодернизму, в развитии не было. Это не шестые гегелевского духа. Но она не навязывается, она просматривается «по законам чтения», сквозь временные несоответствия и противоречия подходов. Право читателя на другую, «более правильную» интерпретацию автора обосновано самим постмодернизмом в тех идеях, которые направлены на постижение, а не мистификацию происходящих процессов, когда ответственный историзм, освобождающий Джоконду от усов и возвращающий бороду Марксу, служит не только истине, но и благу. Дальнейшая логика нашего собственного текста заставляет сосредоточиться на судьбе человека, загоняемого или безвыходно попавшего в капкан информационной реальности и трансформирующегося в ней в «концепт» и «персонаж».

Постмодернистский концепт – это понятие, потерявшее изначальный гносеологический статус и ставшее неким видом бытия, «онтосом». Это -

~~понятие~~ и в таком качестве относится к «вещам», хотя не является вещью в (мета)физическом смысле слова. Ближе всего оно, по-видимому, к формам Аристотеля, когда подсвечник состоит из бронзы как материи и «подсвечниковости» как формы. За исключением того, что концепт-вещь не предполагает бронзы. Мир концептов – мир чистых бытийствующих форм, «подсвечниковостей», существующих самостоятельно, без «бронзы». Тогда может лучше подойдет аналогия с платоновскими эйдосами, идеями? Да, за исключением того, что в отличие от эйдосов, пребывающих в трансцендентном мире, концепты по своей природе имманентны. Они не являются образцами для «земных» вещей, хотя могут с ними соотноситься. (тогда, правда, это будут симулякры). Концепты свободно конструируются как некие множественности, хотя не всякая множественность концептуальна. Задача философии, таким образом, в том, чтобы «творить концепты», создавая из их совокупности самоценную имманентную реальность. Философы должны культивировать, всячески усиливая, свою миропроизводительную потенцию.

А вот здесь, пожалуй, пора одуматься и при-тормозить. Концепты – вещь настолько тонкая, что мы рискуем быть обвиненными в том, в чем часто упрекают постмодернизм – в произвольной трансформации чужих смыслов. Описание концептов «со стороны» вызывает нарастающее недоверие даже у (о)писателя. Целесообразно поэтому дать слово оригинальным авторам концепции концептов. «Концепт, - полагают Ж.Делез и Ф.Гваттари, - лишен пространственно-временных координат и имеет лишь интенсивные ординаты. В нем нет энергии, а есть только интенсивности, он аэнергичен. Концепт – это событие, а не сущность и не вещь... Концепт определяется как нераздельность конечного числа разнородных составляющих, пробегаемой некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью»¹. Он реален без актуальности, идеален, но без абстрактности. У него нет референции; он (пересказываем идеи Делеза близко к тексту) автореферентен, а будучи творимым, одновременно сам полагает и себя и свой объект. В контексте метафизической картины мира, приводимые характеристики концептов ни на что не похожи или похожи на заумь (нет пространственно-временных координат, реален, но не действителен, не сущность и не вещь и т.п.). Если «модернистская» философия это не критикует, то либо из страха быть обвиненной в антиплюрализме и консерватизме (смертный грех в инновационную эпоху), либо заигнорированная настроением ко всему толерантного равнодушия. Что касается безоговорочно «принявших постмодернизм», то в большинстве случаев они пересказывают его идеи без понимания, о чем речь («без референции»).

Представители индустриалистского научно-технического, в том числе «неклассического» и так называемого постнеклассического знания отмалчиваются, уходя от оценки концепт-философствования как от чего-то постороннего, их не касающегося, считая, что это проблемы, придуманные

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С.32.

гуманитариями. Иногда, правда, берут на себя труд продемонстрировать их некомпетентность в науке. Известная книга Алена Сокала и Жана Брикмона «Интеллектуальные уловки». М., 2002 вся построена на примерах несостоятельности апелляций постмодернистских авторов к физике микромира и научной эпистемологии, в показе, что их ссылки на «бесконечные скорости», «парения» и «ординаты» в лучшем случае метафоры, в худшем субъективные фантазии. Действительно, все приверженные истине метафизические философы и ученые естествоиспытатели, положив при чтении постмодернистских текстов руку на сердце (нередко в силу суровой необходимости), должны честно сказать, что это некая разновидность абсурдистской литературы. Со всеми ее типичными признаками. Однако если им предложить, перенеся руку с сердца на «мышь» компьютера, посмотреть на экран и хотя бы минимально рефлексировав, пересказывать, что и как там делается, они должны будут, возвратив руку на сердце, признаться в своей ошибке. Концепт-философия характеризует происходящие на (в) нем процессы вполне адекватно. Она не только не заумна и не абсурдна, она эмпирична, описательна и даже банальна. Делез не зря определял ее как «трансцендентальный эмпиризм». Трансцендентальный, но не трансцендентный. Трансцендентальный как иной по отношению к нашему миру. *У нее есть референт.* Им является информационная реальность, открывающаяся человеку при его присоединении к персональному компьютеру.

После квалификации постмодернизма в качестве философии computer science он становится «открытой книгой», которая свободно читается на любой странице. Применительно к человеку, к философской антропологии, концепт «разгадывается», конкретизируется как персона или «персонаж». Персона(ж) – эмпирический концепт личности, обозначающий то, что от нее осталось после вычета телесности и выпадения из реальных социальных связей. Личность имеет тело, а персонаж – «тело мысли». Личность живет в обществе, а персонаж на сцене, в кино или в персональном компьютере, в интернете. При электронной переписке, в виртуальных конференциях участвуют персонажи, часто анонимные, сталкиваются «интенсивности» отчужденных от человека мыслей. Персонажи – это некая активность, наделенная сознанием, или «артикулированное сознание». Они относятся к людям условно, «соотносятся» с ними, при том, если люди захотят их «приписать» себе как существам предметного мира. К поиску прототипов тех или иных персонажей, в случае их преступного поведения, приходится прилагать специальные усилия специальных служб. Их пытаются «натурализовать», очеловечить, но не всегда успешно. В отличие от архаического кино персонажи виртуальной реальности не зафиксированы неизменным образом. Вбирая в себя мысли человека, взаимодействуя с другими чистыми мыслями, они изменяются, развиваются. Делаются попытки полного сканирования содержания сознания с последующим его «культивированием» ради генерирования новых смыслов. Возникает «информационная синергия». Постчеловеческие (постприродные) и постличностные (постсоциальные) концепты начинают жить собственной

жизнью, составляя, если опять вспомнить Ж. Делеза, не «народ-тело», а «народ-мозг», хотя и мозг здесь нельзя понимать буквально. Тем более жизнь. Это точки сборки информации, ее сингулярности, оформленные как «тела без пространства». Все остальное выносится за скобки.

...Если бы так! За скобки – еще полбеда. Драма человека в том, что постмодернизм не хочет ограничивать генезис концептов и персонажей информационной реальностью и стремится придать им статус всеобщности. Концепты вместо вещей и персонажи вместо людей везде – вот претензия! Постчеловек не намерен сидеть в компьютерной клетке и висеть в сетях интернета. Он пересматривает природу и историю как таковые. Он хотел бы расчеловечить всех, кто продолжает быть человеком: с «органами», чувствами, в культуре, способным к труду, любви, субъектному сознанию, быть личностью и верить в идеалы, если не «обожения», то хотя бы гуманизма. И развертывает соответствующую идеологию, предлагая ее на «третье тысячелетие». Не ту, не энергичную, о которой пишет С.С. Хоружий. Желая «концептуализировать» человека в целом и понимая на что замахиваются, Ж.Делез и Ф. Гваттари делают это, как мы убедились, завуалированно, на «эзоповском» мышлении. Это лидеры, первопроходцы. Эпигонам проще. Они выражают то, что еще недавно казалось немыслимым и непрогнозируемым. Такой откровенностью и претензией на фундаментальность среди такого рода подходов выделяется концепция «постчеловеческой персонологии» Г.Л. Тульчинского, «вмещающая в себя, – уведомляет аннотация к книге, ни много ни мало, – как философскую антропологию и культурологию, так и традиционную метафизику»¹. Учение о постчеловеке – наше все. Знай наших!

Воспроизводя основные идеи постмодернизма типа: «границы идентичности личности не совпадают с кожно-волосатым покровом» и в то же время считая главным делом – тело, он уверяет, что «так называемое «расчеловечивание» современной культуры и цивилизации, так пугающее иных записных гуманистов, в высшей степени плодотворно».² Открывающиеся перед человеком новые перспективы «открывают несущественность антропоморфности, человеческого. Можно сказать, что современная культура расчеловечивает – и слава Богу! Причем в буквальном смысле. Это расчеловечивание открывает важность постчеловечности, позволяет за время снами увидеть лес и путь в нем.

Похоже, настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Гуманитарность же предстает персонологией свободного духа. Перспектива – постчеловеческая персонология»³

¹ См.: Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.

² Там же, С. 638.

³ Там же, С.638.

Думается, что в свете столь захватывающих дух перспектив, от возгласов и восклицаний не может удержаться ни один живой человек. У традиционалистов, и религиозных, и светских с их представлением о человеке как подобии Бога и венце природы, они будут негодующими, испуганными и даже паническими. Особенно от этого: «И слава Богу!». Слабые души! Им всегда подавай какие-то подпорки и утешения. Вместо перспектив – надежды. Они, видите ли, хотят жить. Да поймите, вы, что «поэтика расчеловечивания (!- не удержался. – В.К.) помимо прочего открывает перспективу новой реакгрегации, возможность заново собрать человека и мир»¹. «Вечно вчерашние», недоверчивые к прогрессу консерваторы все равно захотят разъяснений разного рода пустяков вроде того, какова будет судьба человека и его «обычного» феноменологического мира до агрегации и по какому плану, какие «лего»-конструкторы его будут собирать заново. Зачем повторно собирать то, что было? Значит собирать будут нечто другое. Какое? Переведа дух, мы бы тоже решились вступить с этим ужасно прогрессивным автором в полемику.

...Если бы дело было в одном данном постчеловеческом персонаже.

Инопланетяне среди нас

Согласно Священной истории европейской культуры, Бог, сотворив Землю, поставил владычествовать над всем сущим на ней человека. Говоря профанным языком экономизма, заключил с ним договор аренды, а в качестве платы просил немного – благодарить и славить Его. Хорошо или плохо, в течение веков человек это делал, выполняя роль работающего менеджера, пока однажды не объявил себя единственным господином всего и Сам воссел на трон владыки. Настала эпоха гуманизма, разума и прогресса, люди начали жить не «ради Бога», а ради себя. Мир богател и развивался, прогресс науки и техники вёл к постоянному облегчению их быта, способов господства. Окружающая среда, место, на котором сидел человек – трон = пенёк, табуретка, стул, кресло непрерывно совершенствовались, кресло стало таким мягким, что в нём можно утонуть, дизайнеры трудились над его формой, подгоняя её научными, «эргономическими методами», под малейшие изгибы тела и капризы духа. Богатство, комфорт и свобода как отказ от служения чему-либо Высшему стали последней высшей целью цивилизации, а в центре, как То, вокруг кого и ради чего всё растёт, меняется и вращается, кого славят и перевозносят, стоит Человек.

Вернее, как мы видели, стоял, примерно до второй половины XX века. Примерно до открытия микро и мега-миров, где он не по степени, как на Земле, с усилением мощи и самоцен(ль)ности технических средств, смещался из центра на периферию, а в *принципе* перестаёт быть субъектом происходящих процессов. Хотя в их исследовании представал в виде творца, если отвлечься от определяющего инструментально-приборного характера

¹ Там же, С. 292.

этого творчества. В целом, и на поверхности Земли, и в глубинах/высотах Вселенной зримым образом нарастает зависимость человека от опосредующей любую его активность науки, техники, особенно после их синтеза в technoscience = технологию. Как на огромном стальном корабле магнитная стрелка вместо севера, чуть дрогнув, начинает неизменно показывать на его корпус, так цели и потребности человека начинают определяться возможностями используемых им техногенных средств. Парадокс в том, что по мере расширения этих возможностей, свобода его выбора сужается. Он получает предложения, от которых трудно или вовсе, под угрозой потери всего достигнутого, нельзя отказаться. Возможности, открывая дорогу одна другой, саморазвиваются, трансформируясь в необходимость, как и весь прогресс, который «не остановишь». После превышения определённой, обусловленной природой живого и опирающимся на неё разумом меры в способности регулировать всё усложняющуюся деятельность, она все больше перестаёт быть собственно человеческой и в той же мере субъект становится её объектом.

Соответственно, внутри теоретизирования, прежде всего, как ни странно – гуманитарного, происходило развенчание человека как автора, субъекта, творца. Наиболее определённо, о чем стоит напомнить, это выразилось в структурализме. «Задача науки, – говорил К –Л. Стросс, – не воспроизводить человека, а растворить его». Возникает феномен антигуманизма, вначале «слабого», «теоретического», в виде приёма познания (русские формалисты в литературоведении, французские в историографии и марксизме), а потом всё решительнее и фундаментальнее – онтологического, концептуально-мировоззренческого. Происшедший в структурализме отказ от объектно-субъектной парадигмы означал отказ от признания особого положения человека в мире. Он такой же элемент его функционирования и развития как все остальные. Он больше не человек, а «человеческий фактор», не личность, а актор, или даже агент. Ставшая общим местом структурной лингвистики «смерть автора» в тексте коррелировала со смертью субъекта, его «факторизации» в социуме. Особое внимание смерти человека, но уже не в качестве субъекта и автора, а вообще, уделяется в постструктурализме (шире – постмодернизме), где он деконструируется по всем параметрам: как природное, этническое, телесное, мыслящее существо (анти-онто-этно-фоно-фалло-логоцентризм Ж. Деррида). Вместо него появляются сингулярности, складка, следы, подпись, карманы, концепт, в лучшем случае – персоне(жи). Эти поначалу загадочные терминологические новации, как вся постмодернистская философия были идеологически преврат(щён)ным отражением происходящей в условиях информационной революции возгонки человека в виртуально-коммуникационную реальность, где он, «детерриторируясь» до «тела без органов» и «тела без пространства», только маркируется. От его бытийной идентичности остается знаково-символическая идентификация.

Развенчание гуманизма в качестве ценностного понятия, несущего в себе представления о человеке как цели и смысле мирового развития, переплеталось и постепенно перерастало в отказ от онтологического антропоцентризма,

антропоморфизма, антропологического мировоззрения как такового. «Гуманитарная парадигма» переживает внутреннее брожение, кризис, сопровождаемый предсказаниями или прямыми заявлениями о происходящей гуманитарной катастрофе. Стремясь учесть требования прогресса, её берутся модифицировать, но так, что от человека в ней мало что остаётся. Вместо гуманизма и антропологии предлагается, например, разрабатывать гуманологию, в которой человеческий разум уравнивается с техническим разумом, фактически искусственным интеллектом.¹ Однако, поставленный на одну доску с машинным, человеческий разум вряд ли может с ним соревноваться, да и просто сосуществовать. Или выдвигается идея так называемой симметричной антропологии, в которой происходит уравнивание людей с вещами – любимы: природными, техническими.² Это тоже едва прикрытый риторикой слепок с положения человека в искусственной среде, его непрерывно умаляющей роли. Не случайно, в компьютерных текстах исчезают имена собственные, которые теперь пишутся с маленькой буквы, ибо техника не отличает живое от неживого. Дальше – больше. Вместо антропологии, после соответствующей операции «расчеловечивания человека», вводится «персоналогия», личность в которой представляется как «сгусток свободного духа».³ Сгусток этот, открыто объявленный уже постчеловеческим, бродит опять-таки по информационно-коммуникационным пространствам и даже терминологически совпадает с постструктуралистским представлением человека в виде концепта. В итоге или параллельно, эти и подобные абстрактные брожения увенчиваются идеей возникновения «виртуального человека», естественно, более прогрессивного в сравнении со старомодным, телесным, хотя ещё в рамках антропологии и гуманизма. В предметном мире человек тоже не обойдён вниманием передовых, занятых «сдвигом гуманитарной парадигмы» теоретиков. Ради него, для его блага развёртывается целое направление по «конструированию человека», правда, не ясно какого: нового или реконструированию «старого», рождённо-смертного.⁴ Воодушевлённые достижениями Hi-Tech в области биотехнологий, конструкторы человека начинают воспринимать его как полигон для «re designing-a» = самых разных манипуляций и модификаций, хотя отсталые из них, оговариваются, что они «против» ликвидации существующего вида, особенно в лице самих себя. Чего/кого тогда конструируют?

И, наконец, к началу XXI века все эти двусмысленности, непоследовательности, самообманы, сопровождающие разложение гуманитарной парадигмы нашли своё разрешение в возникновении *трансгуманизма*, феномена, о котором мы, прямо или косвенно, вели и ведем здесь речь. Хотя без самообмана он тоже не обходится (особенно более осторожный, российский), однако принципиальный шаг от человека к

¹ См.: Эшптейн М. Знак_пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

² См.: Бруно Латур. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.

³ См.: Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персоналогия. Новые перспективы свободы и рациональности. СПб., 2002.

⁴ См.: Конструирование человека. Сб. трудов Всероссийской научной конференции. Томск, 2008.

новосущему в нём сделан. Рубикон антропологии перейдён. В основе идеологии трансгуманизма лежит тезис, что человек не является последним звеном эволюции, а значит, может изменяться и совершенствоваться без каких-либо ограничений - «до бесконечности». «Трансгуманисты хотят «не остаться людьми», а наоборот – перестать ими быть, став более совершенными существами, т.е. трансхьюманами, или же нелюдьми. Трансгуманисты считают, что мы живём в эпоху переходного этапа от обычного человека к постчеловеку...»¹. Условием непрерывной эволюции человека является его бессмертие. Трансгуманизм - это почти другое имя иммортализма. Поскольку в нём имеется в виду не просто отказ от гуманизма как некой ценности, а преодоление человека как Гомо сапиенса, то точнее его следовало бы называть «трансгоманизмом» или трансантропологизмом. Но «сердцу не прикажешь», тем более трансгуманному, постчеловеческому. В вопросе, что делать с «традиционным человеком» довольно чётко прослеживается два подхода. При одном полагают, что развитие новационных, прежде всего космических и нано-технологий даст изобилие ресурсов и жизненного пространства для всех - «людей, транслюдей и постлюдей», другие считают, что тот, кто не хочет трансформироваться, должен уйти со сцены, освободив жизненное пространство и сняв нагрузку на ресурсы. В качестве примиряющей позиции высказываются предложения о выделении для этого «old-fashioned map», поистине ветхого Адама, специальных зон, резерваций или зоопарков (почему-то «зоо», хотя бы «гомо»), где он мог продолжать коснеть в своём живо(тно)м несовершенстве, смертности и нежелании воспользоваться потенциалом высоких технологий для своего непрерывного биотехнического (у)совершенствования.

Трансгуманизм - это антропогуманофагия, прямой вызов идентичности человека, какого мы знаем, какими в темпах живого и рождённого на его основе разума развивались миллионы лет или какими нас сотворил Бог, сказав: «Это хорошо».

Драматизм складывающейся ситуации в том, что пока на Земле миллиарды людей воображали и продолжают воображать себя венцом природы, надеясь на продолжение своего существования в обозримом будущем, прогресс создаваемой техники привёл к тому, что параметры их бытия начали его ограничивать. Исторически сложившийся традиционный человек и гуманизм как идеология его самооценности становятся тормозом ускоряющегося технического прогресса, который требует теперь подгонки не кресла под человека, а человека под кресло, «совершенствования» вместе с ним того, кто в нём сидит. Превратившись в трансгресс, он «переступает через человека», превращая его в элемент, фактор, агента в общем потоке преодолевшего устойчивость новационного развития. Существующий человек – это, по меньшей мере «недостаточно хорошо», если не совсем плохо, говорит нам наше новое божество - Технология НБИК (нано, био, инфо, когно). И заказывает, проектирует, моделирует Иное, при чём посредством самих людей,

¹ Электронный ресурс. Энциклопедическая справка // <http://www.transhumanism - russia.ru/content/view/70/90>

похищая их собственно человеческое сознание, заставляя мазохистски восхищаться тем, что их отменяет и заменяет. «Мы - биологическая протоплазма технической цивилизации, мы – носители прото--интеллекта, мы прото-машины, именуемые «организмами». Мы - робкие дебютанты на сцене технотрансформационной цивилизации. Вот это мироощущение я называю - *debut de siècle*», - провозгласил своё отношение к «гуманистическому человеку» М. Эпштейн, формально не входящий в трансгуманистическое движение, но наиболее авторитетно выражающий его идеи в русскоязычной литературе¹. Отношение к Иному, напротив, восторженное, описывающее его как «человека-ангелоида», живущего в «церебрально открытом обществе». Иногда, правда, слегка опасливое. Подобные взгляды, как видим, не фантастика и даже не футурология, о чём свидетельствуют потоки сообщений из лабораторий мира о новых и новых успехах в манипуляции человеком, его генами, вживлении чипов, чтении мыслей и т.д. и т.п.

Не считая себя трансгуманистом как таковым, М. Эпштейн «просто» предлагает расширить учение о человеке до учения о живых и искусственных формах разума. Перейти от антропологии к «гуманологии». Однако фактически это тоже специфическая ветвь трансгуманизма, только выросшая на собственном теле антропологии. В ней находит свое целевое завершение (транс – переступание через существующее к иному) постмодернизм и ведущиеся в его русле так называемые *posthuman study*. В них обоих, и в главном стволе и на его гуманологической ветви, обобщаются, оформляются в качестве дисциплины, разного рода и уровня постчеловеческие концепции *бытия* – «позитивной смерти». Нет человека – нет и антропологии. Гуманология, как и трансгуманизм в целом – это учение о том, во что должен превратиться человек в ходе дальнейшего развития техники и каково место, если такое останется, будет занимать в нем нынешний Адам, Антропос, Гомо = Человек. Крайности сходятся и в «транс», к гуманологии все больше дрейфует все еще слышущий вождем российского традиционализма А. Дугин. Вместо скучных, прозаических, требующих выхода к практике забот о преодолении кризиса современного человека, он объявляется существом конченным, автор прячется от всех проблем за фейерверком псевдорелигиозных сайентологических фраз о *Homo novus*, «сотканном из паутины сверхчеловеческих интуиций», «собирателе затонувшего света», «лазерном сгущении сакральной воли» и т.д. и т.п. Можно бы предположить, что, учитывая нарастающее влияние информационной реальности на человека, данными авторами разрабатывается некая новая дисциплина – информационная антропология. Она пополнила бы имеющийся ряд антропологий – социальную, культурную, религиозную, педагогическую и т.д. и будучи критической по своему смыслу, могла бы противостоять идеям «несущественности антропоморфности» изнутри, на почве самого информатизма. Для этого, по крайней мере, для обсуждения такого

¹ Эпштейн М.Н. *Debut de siècle*, или От пост- к прото-. Манифест нового века. // Знамя. 2001. №5. С. 184. Или: Аргонов В.Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или стимул развития. // Вопр. филос. 2008. № 12.

поворота проблемы, есть все основания. Но, как видим, вопрос о человеке ставится круче – ему вообще отказывают в праве на существование.

Иллюстрируя последствия подобных, с точки зрения судьбы человека, чудовищных или пустых идей, лучше сослаться не на тексты М. Эпштейна, А. Дугина и других гуманологов/трансгуманистов, а на то, как они воспринимаются, пересаживаются на почву антропологии, квалифицируясь в качестве ее «достижений». Человека унижают, фактически уничтожают, антропологию ликвидируют, но ничто не может омрачить сознание ее доверчивых представителей – им все по барабану, особенно когда они берутся за «аналитический обзор» ее развития и констатируют: «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек – лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек – вид исчезающий. По его поводу, считает М. Эпштейн, впору думать о создании заповедников для человека «традиционного», его следует заносить в «Красную книгу»... Он действительно становится предметом археологии и этнографии, символом уходящих форм жизни... Если антропология изучала человека как часть биосферы, как высшую и последнюю форму ее эволюции, то гуманология изучает человека как часть техносферы, в которой привычные человеческие формы исчезают»¹.

Да, подобную ученость ничто не испугает. Хотя смысл этих идей как призыв к осуществлению дистопии «Нового прекрасного мира» вполне однозначен, ее скромное обаяние в том, что она смиренно принимает любую уготованную ей судьбу, любой приговор, лишь бы он был вынесен «от имени науки». Ни малейшей обеспокоенности, никаких сожалений, не говоря уже том, чтобы искать выход, подумать о сопротивлении. Если же, хотя бы для проформы, процессы трансгуманизации прикрываются заботой о «благах людей» или на самом деле способствуют удовлетворению их сиюминутных, чаще всего навязанных индивидуальных потребностей, и не важно, что за счет разрушения перспектив рода, - здесь уже абсолютно никаких сомнений. Культивируется мышление в масштабе одного суждения, даже не умозаключения, а когда и это кажется слишком дальновидным, то софистика в духе: «человек будет присутствовать своим отсутствием» или прямой циничный обман. Поистине «плясуны». Ложь, обман – составная часть жизни, но они обычно предназначаются для чужих, если же для себя и своих, то во благо. Ложь во вред себе – верный признак, что ее носители вступили на путь саморазрушения, что антропология превращается в свою противоположность.

В кризисе гуманизма, в «сдвиге гуманитарной парадигмы», переросшем в трансгуманизм находят теоретическое выражение процессы появления на нашей планете, не из космоса, а на её поверхности, представителей новых форм сущего. Сначала переходных - человек-без-чувств, человек-в-компьютере, человек-зомби, интеллагент (таких уж много), потом гибридных – киборг, гомутер, е-Номо (единицы, но не гипотетические, а в экспериментах), потом

¹ Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор. // Человек. 2003. № 5. С. 92-93.

«небелковый» Искусственный Интеллект как форма разума, полностью преодолевшего зависимость от человеческого мозга. «Новосушие» пока не составляют большинства, но это передовой отряд цивилизации, её реальность. *Инопланетяне среди нас*. Производятся = высаживаются десант за десантом из разных отраслей науки и техники, захватывая внешние (быт, территория) и внутренние (сознание) миры людей. *Они пришли*. По телесному образу они еще подобны человеку, но их сознание уже трансформировано, «перезагружено» силами Иного. Космос опускается на Землю. Уничтожение природы, её вытеснение искусственной средой, «забывание» экологии, извращение идеи устойчивого развития, культивирование приоритета прав индивида над правами рода и общества, вакханалия новационизма – всё это проявление, этапы *де(э)волюции человеческого бытия*. На словах, в глобальной и национальной официальной идеологии, в образовании и пропаганде исповедуя гуманизм как благо человека, на деле человечество все активнее и быстрее от него отказывается. Вооружённое могучей, подавляющей инстинкт самосохранения научной техникой, «преодолевая себя», оно движется по пути отрицания, к небытию, однако не в пустоту, не в хаос, а к самозамене, порождая новую, невиданную на Земле постчеловеческую форму сущего. Вытеснение гуманизма трансгуманизмом, интерес к которому распространяется, по заявлениям его выразителей (во что приходится верить) «экспоненциальными темпами», есть проявление *Mortido* как начинающего превалировать в наших чувствах и разуме влечения к танатосу. Как бы то ни было, есть надежда или она совсем слабая, все, кто чувствует себя человеком, должны этой линии развития противостать.

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) Что такое концепт, как с ним связана персонология?
- 2) Гуманизм и гуманология – в чем различие?
- 3) Трансгуманный человек, смоделируйте – каков он?
- 4) Откуда на Земле берутся инопланетяне?

Тема 7. Вместо заключения.

За философскую антропологию, против информационизма и трансгуманной парадигмы.

В работе «Философия трансмодернизма» (Н. Новг. 2006), продолжением которой является данное пособие, нам уже приходилось писать об обитающем в тропической зоне Юго-Восточной Азии крупном земноводном, которое настолько нечувствительно, что когда у него, вылезшего на берег, хищники отгрызают отдельные части туловища, оно неподвижно сидит и никак не реагирует. «Греется на солнышке». Его едят с хвоста, потом боков, а оно, выпучив глаза, продолжает сохранять олимпийское спокойствие (показывали по телевидению на канале Rambler). Теперь, когда речь пошла о трансгуманизме, мы не только вправе, но обязаны спросить себя и других, не этой ли амфибии уподобляется философская антропология, да и все человечество?

С разницей, что в тропиках жертву едят представители другого вида, а человек носителей смерти выделяет из себя сам. Эта великая нигилистическая (нигилологическая) революция, «революция всех революций», начавшаяся по историческим меркам недавно, происходит на глазах живущего поколения. Мишель Фуко пророчески сказал, что XX век будет известен как век Ж. Делеза. Возможно, к нему надо добавить самого М. Фуко и Ж. Деррида как провозвестников и ведущих идеологов постчеловеческой информационной реальности. Эта гениальная «смертотворящая триада» (от России туда можно добавить Г.П. Щедровицкого) открыла дорогу в своеобразный компьютерный рай, конечно не технически, а идейно, давая ему философское обоснование. Они стоят у истоков конструирования некой глобальной, не только антигуманистической, но и антиантропологической, антигуманистической дистопии, стремясь как можно быстрее превратить ее в реальность. Человечество борется против расизма и национализма, дискриминации отдельных народов, за всевозможные права, в то время как параллельно отрицается право на само его существование. Выступать против человека как такового, его природной и духовной идентичности сейчас несколько не опасно. Опаснее, утверждая, что это губительно, трагично, его защищать. Если кто-то из читателей сочтет подобные аналогии недопустимыми и сомнительными, он должен знать, что отстал от жизни. От богоборческих, противобытийных, антивиталистских и антиантропологических идей основоположники информационизма ни на де(ре)конструктивистском, ни на грамматологическом, ни на трансмодернистском этапе никогда не отрекались, напротив, где косвенно, а где прямо их пропагандировали, к ним призывали. Собственно «трансгуманистическое движение», опирающееся на биотехнологии, можно считать их опредмеченной формой.

Людей злит, что правда проста, говорил Гете. К этому можно добавить, что теперь, ради постчеловеческой толерантности, ее просто не хотят знать. Ибо

удивительно, как без оценок и споров, словно на обычную тему для «индифферентного философствования университетских профессоров» (К. Ясперс) мировая духовная элита реагирует на самые вызывающие вызовы человеку. Будто не верят в значимость собственного существования, не отдают отчета в практических последствиях того, что предлагается идейно. Как можно равнодушно, с тепло/холодным безразличием воспринимать, например, подлинный «манифест предательства», с которым выступил Ж. Делез. «Быть предателем собственного биологического вида, быть предателем собственного пола, класса, собственного большинства – не таково ли условие письма? И быть также предателем письма. Есть много людей, мечтающих быть предателями. Они изо всех сил верят, что смогли бы. И однако – все они лишь мелкие обманщики... Потому что быть предателем – трудно: надо творить. Терять при этом свою идентичность, свое лицо, исчезать, превращаться в инкогнито»¹. Совершенно верно, «письмо», т.е. программология отменяет необходимость существования человека (автора, творца, тела, субъекта, личности), но почему надо обязательно стремиться и как можно быстрее отдавать себя и мир «под письмо»? Жертвуя при этом всем, начиная с «фантазмов», т.е. мышления и воображения: «экспериментируйте – и никогда не интерпретируйте. Программируйте – и никаких фантазмов, – кончая их причиной: «Мир фантазмов – мир прошлого, театр злопамятства и вины. Сегодня многих можно увидеть идущими и кричащими: да здравствует кастрация, ибо в ней Исток и Конец желаний»².

Совершенно верно, что духовность и человеческое сознание обусловлены телесностью, ее органами, особенно если не г(о)ла(о)вным, то «первым», но пусть они кастрируют сами себя, не распространяя эту идеологию на все человечество, да еще ab ovo. А если распространяют, то желающие быть живыми, должны им давать соответствующий отпор. Пусть разрушают свою «машину желаний» и заменяют ее «желанием письма», не превращая в виртуальных наркоманов других людей. Или: «Достоинства устной речи оказались недостаточны для того, чтобы отказаться от искушения – использовать изобретение письма для осуществления лелеемой многими мечты – освободиться от природы, от материальности, от существования, переживаемого как принуждение»³. Таким образом, сначала боролись с «тяжестью бытия», потом жаловались на его «невыносимую легкость», теперь часть человечества «лелеет» мечту об абсолютной свободе (идеал либерализма) – освободиться от бытия. Хотя ничего не хотеть – перестать существовать. При помощи письма – заменить мир программой. Пусть так! Это их право. В том числе морочить себе голову некой «позитивной смертью»: «Смерть позитивная – уже не смерть, это просто практика исчезновения в том, что есть твое существование в широком смысле и в силу этого – бессмертие, которое обретает характер повседневного чувства» – вот вывод, к которому приходит

¹ Делез Ж. О превосходстве англо-американской литературы. // Логос. 1999. №2 С.100.

² Там же, С. 100.

³ Ажеж Клод. Человек говорящий. М., 2003. С183.

известный российский философ и аналитический антрополог В. Подорога, подводя итоги беседы с Ж.Л.Нанси¹. Учитель соглашается, что его вполне правильно поняли, с единственным пожеланием: «следует продолжить мышление тела, переведа его в мышление техники»².

Пожалуй, хватит. Если смерть признается позитивной, неким «добром», то злом становится жизнь. С ней и воюют, скрывая это в том числе от самих себя, высокоинтеллектуальными разговорами о каком-то «более широком существовании». Так происходит перверсия базовых ценностей нашего мира, теоретическое обоснование самоотрицания человечества и его замены искусственным техногенным разумом. А потом и не разумом как рефлексией «над бытием», а превращением нашего сущего в иную субстанцию, новый Абсолют как другую реальность. Постантропология трансформируется в онтологию.

Тем не менее, придется признать одно: в конце XX века критическая масса изменений в духовной сфере человечества завершилась своего рода ядерным взрывом. Под воздействием его жесткого радиационного излучения культура теряет все качества, кроме улавливаемых дискурсом, в конце концов, математикой. Это прелюдия того самого холокоста, который то ли описывает, то ли пропагандирует (конечно же «в языке») Ж. Деррида. Предстоит Всесожжение вот-бытия, Dasein, человеческого феноменологического мира, его превращение в золу количества. Пост-транс(модернизм/гуманизм) – идеология инфо-нано-террократии.

Роковой, приводящий в отчаяние всех, кто смотрит дальше своего носа и хочет быть человеком, вопрос в том, что они встают «поперек прогресса». Прогресс переступает через человека, становится трансгрессом, но он не должен ему сопротивляться; бесполезно; плыть всегда надо по течению; если не стать частью катящегося технического вала, он превратит вас в часть дороги, по которой катится. Этот тяжелый механи(сти)ческий детерминизм как ни странно исповедуют те, кто пишет о плюрализме, потенциализме, бифуркации, мультикультурализме, о возможности перескакивания микрочастиц с одной орбиты на другую и т.д. Передовой край науки сугубо антидетерминистский, вероятностный, «сетевой», но когда его поворачивают к человеку, мир вдруг предстает линейным, «одновозможностным», сугубо центричным, а мировоззрение становится фаталистическим. Здесь какая-то неувязка. Как и если смотреть назад, в историю, которая развивалась нелинейно, «пучками», ветвилась, одни ветви засыхали, ломались, рядом открывались новые почки и пускались побеги. На земле до сих пор продолжают «присутствовать» многочисленные виды организмов, казалось бы превзойденные эволюцией. Поэтому говорить о неизбежном научно-техническом поглощении существующей жизни, в том числе в ее высшей разумной форме нет

¹ Подорога В. Эпоха Corpus-a? Вопросы и наброски к беседе с Ж.Л. Нанси. // Нанси Ж.Л. Corpus. М., 1999. С. 216.

² Нанси Ж.Л. Заметки по поводу заметок и вопросов В. Подороги. // Там же, С. 226. В последних работах Ж.Л. Нанси почти буквально перешел на язык математики. Трансгрессия гуманистики «от логоса к матезису» – это механизм ее окончательной трансформации «технистику».

достаточных оснований. Маловероятно. Эта тенденция будет взорвана и что-нибудь да останется. По крайней мере, вопрос о судьбе человека стоит считать открытым, а значит предметом борьбы и в какой-то мере его собственного субъективного выбора.

В то же время, как видно по распространению трансгуманистического движения, объективно ведущего к появлению на нашей Земле «инопланетян», часть человечества практически готова и соглашается стать материалом для пост(не)человеческого разума или вообще раствориться в иной субстанции. Соглашается утратить идентичность Homo sapiens, перестав считать свое существование самоценным и уникальным. Хочет из цели превратиться в средство. На древе человеческого рода, от его корневища пустился побег, «пасынок», формируется отряд, готовый к тому, чтобы не реальность преобразовывать, приспособливая ее к себе, как это делалось, пока она была естественной, а преобразовываться самим, приспособливаясь к реальности, когда она стала искусственной. Основание: новая реальность больше не хочет принимать нас такими, какие есть. Отторгает. Человека «не хватает»: емкости мозга, пластичности тела, или он лишний: органы, чувства, живые мысли. Что-то надо убрать, что-то добавить. Короче говоря, его надо улучшать – генетически, технически, информационно. «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть он прогнетя под нас» - призывают лирически настроенные физики из «Машины времени» (лириков как таковых в машинное время практически нет). Увы, торжествует «эргономика наоборот»: конструируют не кресло под человека, а человека под кресло. «Конструирование человека» стало respectable темой философских конференций. А поскольку искусственная среда (кресло) изменяется быстрее биоты, то все трансгуманистические «улучшения» тут же будут стареть. Потребуются новые и новые модификации. Все растворяется в потоке становления. В этом смысл лозунга «от бытия к становлению», когда его применяют к человеку. Садисты по отношению к природе превращаются в мазохистов по отношению к технике. Как заметил Вальтер Беньямин еще в XX веке «его (человечества –В.К.) самоотчуждение достигло той степени, которая позволяет переживать свое собственное уничтожение как эстетическое наслаждение высшего ранга»¹. В преобладании такого рода эстетизма в «постсовременном искусстве» вряд ли надо кого убеждать. Удовольствие от самоотрицания испытывают все «захваченные» трансгуманизмом. Это те «поэты расчеловечивания», в ком воля к смерти начала преобладать над инстинктом жизни. Оторванные от почвы функционеры, актеры, факторы, виртуалисты, онанисты, киберпанки, а в принципе вся уставшая западная цивилизация, которую смыкает более молодая культурная волна третьего мира. Не случайно проблема обуздания страстей и сублимации libido, так занимавшая ее в начале XX века, к его концу отошла на второй план, заменившись сетованиями на «нулевую сексуальность», потерю чувства жизни, депрессии, другими словами, движением по пути mortido. Впрочем,

¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 65.

постепенно к этому начнут относиться как к должному: см. «Обойдемся без секса, ведь мы же пост-люди» (иронизирует Славой Жижек). Впрочем, все это понятно, в особенности из обсуждения информационной реконструкции тела и духа, освещая которую мы, чтобы не быть голословными, старались больше цитировать.

Желание части человечества решать все проблемы, опираясь на принцип Deus ex computer, а постепенно и самим уйти в машину («Да ты файл?!»), считая это бессмертием, запретить нельзя. Достаточно много виртуальных наркоманов, аутистов, «интеллагентов» и приближающихся к ним «персонажей», которые чувствуют себя лишними на Земле, в лучшем случае «земно-водными» (реально-виртуальными). Не любят и боятся ее. Чуждые природе, они испытывают к ней почти отвращение. Тяготеют своим телом и духом, чувственностью. Их «нечистойой», нестерильностью. Люди без воли и деятельного желания, желающие быть без органов и без пространства. Внутренне, «по сознанию», это уже зомби, пред-роботы. Их жалко, но они сами жалеют тех, кто остается в природе и вовлечен в предметный мир. Жалеют как отсталых традиционалистов, фундаменталистов и ограниченных консерваторов. Поэтому, если хотят, пусть уходят... уходят... уходят...

Чтобы отбить концептуальную атаку идеологов смерти человека путем его технического перерождения, или, хотя бы не допустить ее универсализации, надо исходить из признания положения, что *идеи информационной и биотрансгуманистической de(re)-конструкции человека – это его теоретический геноцид, форма самоубийства*. Гуманизм или трансгуманизм, антропология или гуманология, онтология или грамматология, бытие или ничто – выбирать надо что-то одно. Или, по крайней мере, «каждому – свое». Сохраняющая себя антропология возможна только при условии борьбы с дере-конструктивно-информационной и всей трансгуманистической парадигмой, борьбы за то, чтобы наши технологии не выходили за рамки статуса средств деятельности. Да к тому же при избирательном применении. Необходимо также признание наличия границ в рациональном познании, считаясь с тем, что «Возможно, в человеке есть нечто закрытое, принципиально недоступное для науки с ее объективными методами исследования. И сами успехи наук о человеке, подтверждают такое предположение... Человек не умещается в границу знания. Человек больше того, что он о себе знает или может знать»¹. Соответственно, надо пересматривать историю человеческой мысли, борьбу течений, выделяя в ней традиции, линии, идеи, на которые философская антропология могла бы опереться как на более глубокий и прочный фундамент. Это особая задача, направление решения которой пока можно только обозначить.

Думается, что философия выживания должна исходить не из мировоззрения универсального эволюционизма и прогрессизма, возгоняющей все сущее к какой-то абстрактной точке, а из установки на коэволюцию миров и

¹ Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Человек. 2001. № 2, С. 7.

бесконечность Вселенной; при этом человек рассматривается как ее микрокосм; целью нашей деятельности должно быть бытие, а не становление (линия Парменида, а не Гераклита); парадигмой культуры должен стать девиз: *Homo non vult esse nisi homo*¹ (Н. Кузанский); смысл нашей жизни надо видеть не в перерождении в иное, а в "совершеннейших экземплярах" (Ф.Ницше); возможна ситуация, когда придется уповать на то, что "нас спасет только Бог" (М. Хайдеггер); этическим идеалом должно быть богочеловечество, что предполагает отказ от прометеизма и претензий на человекобожие (Н.Бердяев); главным назначением философии считать поддержание "традиции воссоздания человека" (М. Мамардашвили). Это та линия аргументов, вокруг которой можно выстраивать идеологию сохранения жизни на Земле. Она близка духу великих религий, призывавших не к трансформации, а нравственному возвышению личности. Она совпадает с *perennial philosophy* (вечной философией) и может стать предпосылкой вечности человека.

* * *

Спиноза полагал, что любое сущее всегда хочет быть самим собой. Камень хочет оставаться камнем, тигр хочет оставаться тигром. Ну а человек – человеком. Происходит изменение, рост, развитие, но в пределах своей формы. Это проблема идентичности и сохранения устойчивости систем, которая как будто беспокоит человечество. Особенно «большой системы» – его самого. Важно только видеть, что ей противоречит и поступать хотя бы с минимальной последовательностью. Не допускать, не внедрять, не применять ничего, выводящего систему жизни из режима динамического равновесия. Это необходимый консерватизм существования всякого сущего. В эпоху прогрессизма и новационизма консерватизм «ославлен» как нечто мешающее человеку, его благу. Между тем в нем выражается не большее, нежели приверженность ценности собственной идентичности, своего бытия. А блага без бытия не бывает. Ничто не является незаменимым и уникальным с точки зрения Абсолюта и бесконечного множества. И все когда-то кончится. Однако все уникально и ничто незаменимо с точки зрения чего-либо как такового. И в этом качестве любое нечто имеет основания бороться за свое существование. Представляя конкретную форму бытия, человек должен направлять усилия на ее сохранение. Изменения идут стихийно, а для поддержания тождественности нужны сознательные действия. Это относится как к индивиду на протяжении личной жизни, так и к роду в его эволюции. Надо порицать не консерватизм – за его желание жить, а капитулянтскую апологию смерти, особенно когда она подается в красивых теоретических упаковках. Право знать, что происходит с человечеством в принципиальном плане и как преодолеть «кошмар прогресса» должна обеспечивать философия. В этом ее специфическая рефлексивная роль, или теоретическая вина, если она ее не выполняет. Известные идеи устойчивого (ограниченного) развития, экологии культуры, гуманистического рационализма

¹ Человек не хочет быть ничем иным кроме человека. /лат./

или, если она окажется оправданной, той же информационной антропологии, далеко не исчерпаны, они нуждаются в дальнейшей разработке, а главное – в осуществлении. Что касается определения роли философии как: «творить концепты», «умножать возможные миры», «никто ей не нужен», «она ничего не должна» – это типичные примеры корпоративного праздномыслия, компьютерные игры, выдувание и пускание мыльных пузырей (необходимые категории и концепции в ней всегда вырабатывались) – занятия, кроме авторов никому не интересные и не надо удивляться, если ее «закроют» или о ней забудут.

В свете деконструктивистской трансгуманистической агрессии против философии сейчас уместно провозгласить: «Назад, к феноменологическому реализму!» Философия, тем более, антропологическая, должна нести ответственность перед людьми за целевые ориентиры, которые она предлагает, за оценки, которые она дает состоянию мира и если оно трагично, то должна помогать им *сохранить достоинство* при любом обороте дела. Если же она служит мировоззренческим наркотиком, помогая им умереть в недостойном сознательного существа сне, то ее надо так и называть: наркотическая философия. Или - танатософия. В лучшем случае идеология, технонаучный миф. Подобную роль, на наш взгляд, играет для человечества идеология пост(транс)модернистского антигуманного «постчеловеческого трансгуманизма». Живой человек не может все время спать или быть равнодушным свидетелем своей жизни, он ее участник. Философия, насколько она живая – тоже. Она для тех, чья душа не спит. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить – так всегда считали лучшие представители *Homo vitae sapiens*. В конце концов, как говорили древние: *Omnia homini, dum vivit, speranda sant*.¹

Вопросы в помощь самостоятельному осознанию темы:

- 1) Возможна ли и нужна ли информационная антропология? Как она соотносится с философией человека?
- 2) Каков действительный смысл «позитивной смерти»?
- 3) Основные направления гуманистического обновления метафизики.
- 4) Что такое феноменологический реализм?
- 5) Ваше представление о (на)значении философии в современном мире.

¹ Пока человек жив, он на всё должен надеяться. /лат./

Литература

Непосредственно по трансгуманизму ответственной литературы философско-теоретического характера к 2009 году на русском языке немного, больше полуфантастические футурологические описания возможных постлюдей. Однако любая патология, став частью бытия, в конце концов, возводится в норму и через 2-3 года, после периода некоторой критики, эти идеи основной массой теоретиков будут приняты как позитивные (так произошло с постмодернизмом). Соответственно пойдет и вал публикаций. Пока же можно рекомендовать сайты в Интернете: Трансгуманизм, Российское трансгуманистическое движение, Википедия. «Бумажные» источники указываются в основном философско-антропологические, но контекстные, по близким к трансгуманизму проблемам.

- 1) Бадью А. Делёз «Шум бытия».- М., 2005.
- 2) Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
- 3) Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. - М., 2000.
- 4) Бибахин В.В. Мир. – М., 2007.
- 5) Бруно Л. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. - СПб., 2006.
- 6) Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. - М., 2002.
- 7) Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. - М., 2004.
- 8) Гуревич П.С. Философия человека. Ч.1-2. - М., 2001.
- 9) Гуревич П.С. Деантропологизация человека. // Вопросы философии. - 2009. - № 3. – с. 19.
- 10) Гусейнов А. А. Что же мы такое? // Человек. - 2001. - № 2. -
- 11) Дебор Г. Общество спектакля. - М., 2000.
- 12) Декларация в защиту клонирования и неприкосновенности научных исследований. // Человек. - 1998. - № 3. -
- 13) Декомб В. Современная французская философия. - М., 2000.
- 14) Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - СПб., 1998.
- 15) Делез Ж. Логика смысла. - М-Екатеринбург, 2000.
- 16) Деррида Ж. Письмо и различие. - М., 2000.
- 17) Деррида Ж. Золы угасший прах. - СПб., 2002.
- 18) Дьяков А.В. Жан Бодрийяр. Стратегии «радикального мышления». - СПб., 2008.
- 19) Жижек Славой. Добро пожаловать в пустыню реального. - М., 2002.
- 20) Зеленев Л.А. Антропология (Общая теория человека). - Н. Новг. 1991.
- 21) Иванов Д.В. Виртуализация общества. - СПб., 2000.
- 22) Информационное общество. - М., 2004.
- 23) Кастельс М. Галактика Интернет. - Екатеринбург, 2004.
- 24) Конструирование человека. - Томск, 2007.

- 25) Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века. // Вопросы философии. - 2000. - № 8. -
- 26) Культура времен апокалипсиса. - Екатеринбург, 2005.
- 27) Кутырев В.А. Апология человеческого. // Вопросы философии. – 2003. - №1.
- 28) Кутырев В.А. Человек в XXI веке: уходящая натура... // Человек. - 2001. - № 1.
- 29) Кутырев В.А. Они пришли... (о де(э)волюции человека к трансгуманизму). // Философия хозяйства. – 2009. - № 2.
- 30) Липовецки Ж. Эра пустоты. - СПб., 2001.
- 31) Летов О. Человек и «сверхчеловек»: этические аспекты трансгуманизма. // человек. 2009. № 1.
- 32) Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф.Соч., 2-е изд. т. 42.
- 33) Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. - СПб., 1999.
- 34) Марков Б.В. Реквием сексуальному. //Бодрийяр Ж. Забыть Фуко. - СПб., 2000.
- 35) Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. - М., 2003.
- 36) Михель Д. Тело, территория, технология. - Саратов, 2000.
- 37) Нанси Ж-Л. Corpus. - М., 1999.
- 38) Носов Н.А. Виртуальный человек. - М., 1997.
- 39) Онтология и антропология гуманизма. - Владимир, 2006.
- 40) Перспективы метафизики. - СПб., 2001.
- 41) Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию - М., 1995.
- 42) Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор. // Человек. - 2003. - № 5. -
- 43) Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. - СПб, 2002.
- 44) Философия искусственного интеллекта. - М., 2005.
- 45) Философская антропология и гуманизм. - Владимир, 2004.
- 46) Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. Работы разных лет. - М., 1989.
- 47) Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. - М., 2004.
- 48) Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. - М., 2005.
- 49) Человек. RU: Гуманитарный альманах. - Новосиб., НГУЭУ. 2007.
- 50) Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека». - Казань, 2008.
- 51) Шичанина Ю.В. Феномен иномерности в современной культуре. - Ростов-на-Дону, 2004.
- 52) Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. - М., 1998.
- 53) Эпштейн М. Знак __пробела. О будущем гуманитарных наук. - М., 2004.
- 54) Эпштейн М. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманофизику. // Философские науки. - 2009. - № 2. -
- 55) Юдин Б.Г. Многомерный образ человека. На пути к созданию единой науки о человеке. - М., 2007.

Владимир Александрович **Кутырев**

ФИЛОСОФИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА

Учебно-методическое пособие

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».
603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

Подписано в печать 12.11.09. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 5. Заказ № 638. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Нижегородского госуниверситета
им. Н.И. Лобачевского
603600, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37